

Настя Орлова

Второй шанс – это все, что им нужно

An illustration of a young couple in a romantic embrace. The woman, with long blonde hair, wears a yellow dress and has her arms around the man's neck. The man, with dark curly hair, wears a light blue t-shirt and looks up at her. They are standing by a body of water with a sunset sky in shades of orange and purple in the background.

*Посмотри
в мои глаза*

Настя Орлова
Посмотри в мои глаза
Серия «Всегда побеждает
любовь. Проза Насти Орловой»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69297337

Посмотри в мои глаза: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188146-7

Аннотация

Как легко влюбиться, когда вокруг горы, впереди целое лето, а вы – вожатые в лагере. Атмосфера располагает к взаимным чувствам и романтике, но смены рано или поздно закончатся... Что же ждет Леру и Кирилла дальше? Раздражение, ревность, ненависть и любовь – за одно короткое лето они испытают много противоречивых эмоций. Но если это судьба, смогут ли двое забыть о своих обидах и найти путь друг к другу через время и расстояния?

Содержание

Плейлист	5
Книга первая. Кирилл	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	77
Глава 13	84
Глава 14	89
Глава 15	94
Глава 16	103
Глава 17	113
Глава 18	118
Глава 19	129
Глава 20	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Настя Орлова

Посмотри в мои глаза

© Орлова Н., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плейлист

Kina – Can We Kiss Forever?

Bonobo – Recurring

Oh Wonder – Technicolour Beat

Great Northern – Driveway

Haley Reinhart – Can't Help Falling in Love

Said the Sky – Darling VIP

Дискотека Авария – Недетское время

Ruelle – Come Fly With Me

SIA – California Dreamin'

Silhouette – Ascension (Instrumental)

Freya Ridings – Lost Without You

Gracie Abrams – Mean It

AQUILO – It All Comes Down to This

Vusal Zeinalov – Nagorno Mist

Книга первая. Кирилл

Глава 1

Сизое утро первого дня лета я встречаю за рулем старенького американского внедорожника, который достался мне в наследство от отца. Низко стелется туман. Дорога перед глазами серой лентой петляет между буйной зеленью и скалистыми обрывами, поднимается от побережья в предгорье, где расположен пункт моего назначения – детский лагерь с трогательным названием «Синичка».

В том, как стремительно меняется пейзаж, есть что-то медитативное. Повинуясь внезапному порыву, выключаю радио и открываю окно. Салон заполняют свежий и немного влажный утренний воздух и звонкое щебетание птиц. Уголки губ невольно приподнимаются в подобии улыбки: все-таки горы были и остаются моим местом силы. Сейчас я уверен, что приехать сюда на все лето было самым правильным решением.

Последние месяцы дались мне непросто. Смерть отца, смена работы, завал в университете, расставание с девушкой – если в жизни бывают черные полосы, то я пережил одну из них. Но папа всегда говорил, что наше существование – это череда оттенков. Поэтому предстоящие два месяца в горной

глуши я воспринимаю с робким энтузиазмом и надеждой вырваться из затяжного пике. А для этого мне нужна твердая почва под ногами, которую, я чувствую, поможет мне обрести «Синичка».

Главный плюс жизни в лагере – это четкий график и стабильность. Я знаю, что буду вставать с рассветом и рано ложиться, заниматься спортом и питаться по режиму, вдыхать полной грудью свежесть, а не пыльный смог, встречу старых знакомых и, вероятно, заведу новых. И вспомню, наконец, каково это, когда горло не сдавливает воротник ненавистной рубашки, а ноги в удобных трекинговых ботинках свободно ступают по покрытой мхом и сухими ветками земле.

Как знак, что я на верном пути, на горизонте в густых зеленых зарослях появляется выцветший указатель. Сбросив скорость, я сворачиваю с основной трассы и через минуту езды по покрытой щебнем дорожке вижу очертания аккуратных бревенчатых домиков, проглядывающих сквозь вековые сосны и буки.

Охранник дядя Боря, разбуженный шумом двигателя моего «Доджа», высовывает косматую голову в старомодной фуражке из сторожки. В ответ на мое приветствие машет рукой, но ворота не открывает – суетливо сверяется со списком заявок на пропуск. И, только найдя в нем мою фамилию в паре с регистрационным номером автомобиля, нажимает на кнопку.

– Дмитрий Сергеевич у себя? – спрашиваю у дяди Бори,

стоит капоту поравняться с его окошком.

— Где ж ему быть, — отвечает старичок, комично пожимая плечами. — Недавно видел его на обходе.

В этот ранний час парковка «Синички» пуста, за исключением насквозь проржавевшего грузовика и старенького «Фольксвагена», который принадлежит бессменному директору лагеря. Припарковавшись, я выпрыгиваю из машины, с наслаждением разминая затекшие от долгой поездки мышцы, открываю багажник и достаю увесистую дорожную сумку. В ней мой нехитрый гардероб на сезон, который я вновь проведу в роли вожатого мальчишек из первого отряда. От мысли, что предстоящее лето уже точно станет для меня последним в «Синичке», я испытываю легкую грусть, но больше — благодарность. Это место я считал своим вторым домом с тех пор, как меня, желторотого десятилетнего пацана, впервые привез сюда отец. Кто бы мог подумать, что я задержусь здесь на годы и со временем сменю положение мальчишка-гостя на статус вожатого.

Закинув сумку на плечо, я закрываю машину и иду в лагерь. Миновав парковку и фестивальную площадь, нахожу уютный домик из сруба, который много лет выполняет функцию административного здания. Коротко стучу и, услышав раскатистое «войдите», распахиваю дверь в кабинет директора.

Дмитрий Сергеевич Панин руководит лагерем с тех времен, когда я еще шнурки не мог самостоятельно завязывать.

Для меня он такой же символ этого места, как песни у костра и купание в горном озере.

– Кирилл, сынок, как я рад, что ты снова с нами! – Узнав меня, Панин с широкой улыбкой встает с кресла и вскидывает руки в знак приветствия.

В следующее мгновение я утопаю в медвежьих объятиях и исключительно из безграничного уважения позволяю старику по-свойски похлопать меня по спине. Да так, что у меня сотрясаются внутренние органы.

– Доброе утро, Дмитрий Сергеевич, – говорю бодро. – Я же в прошлом году обещал, что вернусь.

– Все вы обещаете, – добродушно ворчит он, покачивая седой головой. – А в итоге мы недосчитались человек десять.

– Знали же, что я вас не подведу.

– Знал, сынок, – отвечает он неожиданно мягко, и в этот момент мне кажется, что глаза у него начинают подозрительно поблескивать. – Ну да ладно. Время поговорить у нас еще будет.

Засуетившись, чтобы скрыть неожиданную сентиментальность, Панин указывает мне на стул и передает прозрачный файл с бумагами.

– Процедуру оформления ты знаешь, – деловито говорит он, потирая ладони. – Ничего не изменилось. Договор прочтешь и подпишешь, медсестре справку передашь и можешь отдыхать до десяти. У тебя четвертый отряд. Мальчишки тринадцати-пятнадцати лет.

– Четвертый? – вскинув брови, переспрашиваю я, не сомневаясь, что ослышался. – А с первым что?

– А первый в этом году у девочек, – криво усмехается Панин.

– Но первый всегда был у меня! – растерянно бормочу я.

– Надо было раньше приезжать, чтобы отряд забрать. Сейчас уже все распределили.

От неожиданности я не сразу нахожусь что ответить. Тупо смотрю на директора, а сам пытаюсь сложить в голове картину вероломного рейдерского захвата моего отряда. Кто еще мог притащиться сюда в такую рань? Незнакомых машин на парковке я что-то не заметил.

– Дмитрий Сергеевич, – начинаю я, даже не пытаюсь скрыть недовольство, – Литвинов первый забрал?

С Мишей Литвиновым у нас долгая и бурная история соперничества, так что я не удивлюсь, если это он обработал Панина и присвоил себе первый номер.

– Не Литвинов. Он в этом году вообще не приехал, – отмахивается старик, словно не видит в случившемся ничего особенного. – Твои домики те, что справа, с зелеными флагами, – продолжает он, протягивая мне связку ключей, и, предвосхищая мой следующий вопрос, добавляет: – Красные у первого.

От досады у меня даже зубы сводит. Узнаю, что за мудак забрал мой отряд и мои домики, в которых я собственноручно кровати в прошлом году чинил и красил пол, – закопаю.

Эту подставу я воспринимаю как личное оскорбление и никому ее не спущу. Литвинов это или нет, меня сейчас мало заботит.

— Кто... — начинаю воинственно, но мой вопрос захлебывается в скрипящем звуке открывающейся входной двери. Несмотря на раздражение, мысленно делаю себе пометку, что на досуге нужно будет смазать здесь петли.

— Лерочка! — восклицает Дмитрий Сергеевич и на моих глазах расплывается в такой широкой улыбке, что кажется, его морщинистое лицо сейчас треснет.

С любопытством поворачиваю голову и едва сдерживаю за зубами крепкое ругательство.

На пороге кабинета стоит миниатюрная блондинка в модном спортивном костюме: яркая куртка повязана вокруг тонкой талии, футболка обтягивает аппетитную двойку с рельефно проступающими сквозь эластичную ткань сосками, а мешковатые штаны игриво сползли на бедра, подчеркивая природную хрупкость фигуры.

С трудом сглатываю, ощущая тугое движение кадыка под кожей, и впиваюсь взглядом в лицо девчонки, на котором застыло комичное выражение испуга, неверия и странной обреченности. Добро пожаловать в мой клуб, стерва, потому что я испытываю то же самое. Разве что вместо испуга у меня — слепая ярость.

Переборов первый шок, я встаю со стула. Не потому, что во мне говорит хорошее воспитание, а потому, что так я смо-

гу смотреть на девчонку сверху вниз, даже не пытаясь скрыть презрения, которое я к ней испытываю.

Из всех мест, из всех людей... Сука. Ну, почему сейчас?

– Извините, дядя Дима, я не знала, что вы заняты, – нервно теребя узел на куртке, произносит блондинка.

– Не переживай, Лера, – добродушно ворчит Панин, не замечая возникшего в помещении высоковольтного напряжения. – Подходи, познакомлю тебя с твоим, так сказать, коллегой.

Девчонка делает неуверенный шаг вперед. Вижу, как отчаянно она старается сохранить невозмутимость, но ее выдают бледность, которая стремительно покрывает щеки, и растерянность в глазах удивительного фиалкового оттенка.

– Кирилл, это моя племянница Валерия Александрова. Она в этом году будет с нами работать. – Дмитрий Сергеевич бережно обнимает блондинку за плечи. – Ей достался первый отряд.

– Здравствуй, Кирилл, – произносит она, силясь улыбнуться, но я отчетливо ощущаю скрытую нервозность, которая заставляет ее голос звучать преувеличенно бодро. – Приятно познакомиться.

– Ну что ты, Лерочка, – говорю едко, передразнивая ласковое обращение Панина, и совершенно осознанно отвергаю ее отчаянную попытку притвориться, что мы друг друга впервые видим. – Не помнишь меня разве?

Она сглатывает. В выразительных глазах зажигается ого-

нек паники. Это хорошо. Я хочу, чтобы она паниковала. Я хочу, чтобы она помнила, что я все про нее знаю. И чтобы боялась.

– Так вы знаете друг друга? – удивляется Дмитрий Сергеевич.

– Екатеринбург – большая деревня, – подтверждаю я, с мстительным удовольствием отмечая, как бледность щек Александровой сменяется жгучим румянцем. – Лера с моим лучшим другом встречалась.

– А, ну это дело молодое! – замечает директор, с нескрываемой нежностью разглядывая племянницу. – Раз вы уже знакомы, проблем не будет. Кирилл, я рассчитываю, что ты присмотришь за Лерой и поможешь ей войти в курс дела.

– Будьте в этом уверены, Дмитрий Сергеевич, – обещаю я с улыбкой, больше напоминающей звериный оскал. – С нетерпением жду возможности присмотреть за ней. Пойду устраиваться.

Пока я не наговорил ничего лишнего, хватаю ключи со стола и стремительно выхожу из кабинета, ощущая, как в груди бешено скачет сердце. Вот тебе и родная «Синичка». Двадцать два года прожил, а такой подставы ждал от кого угодно, но только не от нее.

Глава 2

К обеду начинают приезжать ребята из списка моего отряда, и я с удовлетворением отмечаю среди них несколько знакомых лиц. Не знаю, откуда взялась эта сентиментальность, но по непонятной причине мне приятно, что новое поколение возвращается в «Синичку» точно так же, как в свое время делал я.

Встретив первую группу мальчишек, веду их к нашему домику с развевающимся на крыше зеленым флагом и неказистой цифрой четыре на двери. Новенькие не находят в этом ничего особенного, сразу помечая чемоданами территорию, но парочка второгодок с пренебрежением оглядывает наше новое жилище, недоумевая, почему мы здесь оказались. Один из них, москвич Сеня, на полном серьезе спрашивает у меня, почему мы здесь и когда планируем возвращать себе первый номер и удобные кровати. Усмехнувшись, я лишь качаю головой:

– Прости, приятель, на этот вопрос у меня самого нет ответа.

Заезд затягивается, поэтому я до самого вечера занимаюсь организационными вопросами, перемещаясь от парковки и административного здания к домику и обратно. Прибывшие мальчишки остаются на попечении Матвея Волкова, моего напарника-вожатого, но я обещаю им, что позже мы

обязательно обсудим ситуацию с отрядами и найдем приемлемое решение. Я пока сам не понимаю, стоит ли ввязываться в интеллектуальное сражение с девчонками, но в истории «Синички» были подобные прецеденты, поэтому сразу отметать единственную возможность восстановить справедливость я не готов. К тому же от одной мысли, что на кровати, на которой я спал все эти годы, ночью может оказаться Александрова, меня начинает потряхивать от возмущения. Этой стерве там не место!

Несмотря на сумбурный день, в «Синичке» все идет по давно заведенному плану. После полдника и короткой экскурсии по лагерю отряды собираются на фестивальной площади: по традиции в первый вечер смены здесь разжигают костры, жарят сосиски и поют песни под гитару. Для вожатых это хорошая возможность создать нужную атмосферу в коллективе, для ребят – познакомиться друг с другом и, особенно для новеньких, снять стресс.

Стоит огню разгореться, распределяю своих парней по задачам – собрать еще веток для поддержания костра, завернуть сырую картошку в фольгу или раздобыть у завхоза пледы на случай похолодания, а сам усаживаюсь на поваленное бревно и наблюдаю за процессом. К моему неудовольствию, взгляд то и дело цепляется за первый отряд: там Александрова, которую едва можно отличить от девочек-школьниц, бойко руководит своими подопечными, успевая при этом трепаться с уже знакомой мне вожатой. Лариса, кажется. Года

два назад она бесстыдно ко мне клеилась, хотя у меня в тот момент в Москве была постоянная подруга, наличие которой я не держал в секрете.

– Присмотрел кого-то из цыпочек? – Матвей неуклюже толкает меня в бок и устраивается рядом на бревне. – Новенькая блондиночка из первого очень даже ничего. Перекинулся с ней парой слов – сдастся мне, она захочет поразвлечься.

– Неинтересно, – отрезаю я равнодушно, не допуская никакой двусмысленности. – А ты бы хоть до завтра подождал, прежде чем девиц клеить.

Я знаю Матвея несколько лет, он хороший парень, но неисправимый бабник. Смена без страстной интрижки для него – время, которое прожито зря. Мне, разумеется, глубоко наплевать, если Александрова станет его очередной пассией, но парня жалко. Эта ведьма пройдет по нему катком для укладки асфальта и даже не обернется. С моим другом из Еката именно так и произошло, а я не настолько альтруист, чтобы второй раз вытирать кому-то сопли и слушать депрессивный бред о неразделенной любви к белокурой стерве с желтой ленточкой в волосах.

– Ноги у нее какие, – не унимается Матвей, звонко цокая языком. – И задница. Нет, ты вообще видел?

«Был бы рад выколоть себе глаза, чтобы не видеть», – думаю мрачно и с облегчением выдыхаю, когда на горизонте появляется Нина Петровна, бессменный повар «Синички», и у меня возникает отличный предлог избавиться от продол-

жения тупиковой беседы.

– Первый... – Черт. – Четвертый отряд! – рявкаю я, громко хлопнув в ладоши. – Мне нужно пять человек, чтобы помочь с едой.

В компании добровольцев я встречаю Нину Петровну и забираю у нее тележку с сосисками и свежим хлебом. Выслушав четкие инструкции повара, мальчишки отправляются разносить подносы с провизией по отрядам, а я, убедившись, что Матвей нашел себе занятие у костра, возвращаюсь к своему месту на бревне.

Секунд двадцать мой взгляд бесцельно блуждает по площади, пока не цепляется за шумную компанию метрах в двадцати от моего наблюдательного пункта. В толпе три девочки-вожатые из первого отряда, включая Александрову, и незнакомый мне долговязый парень, возможно, тоже один из новеньких. Они что-то живо обсуждают, время от времени взрываясь хохотом, а я с несвойственным мне старческим раздражением думаю, что лучше бы они следили за своей ребятней, чем трепались.

Мое внимание фокусируется на Александровой. Если бы я мог, то представил бы, что ее не существует, но это непозволительная роскошь: своего врага нужно знать в лицо, поэтому сквозь летящие в разные стороны искры от костра я сканирую ее взглядом. Тоненькая фигура с женственными округлостями в положенных местах, длинные стройные ноги, блестящие волосы, свободно струящиеся по плечам, – вы-

нужден признать, что за те несколько лет, что мы не виделись, стерва стала еще привлекательнее. Неудивительно даже, что у Матвея на нее рефлекс как у собаки Павлова.

Вечереет. Над площадью зажигаются фонари, а на ногах Александровой вспыхивают неонем модные кроссовки. Это все светящаяся отделка, и мне просто больше некуда смотреть – только поэтому я замечаю на аккуратной коленке свежую ссадину с уже запекшейся кровью. Глупость какая-то, но я надеюсь, девице хватило ума продезинфицировать рану. Потому что всякое бывает, а возиться с ее болячками, когда в лагере сотня детей, с каждым из которых в любое время может что-то произойти, нашей медсестре ни к чему.

– Кир, ты идешь? – внезапный окрик Волкова заставляет меня оторваться от созерцания стройных ног.

Чувствую себя пойманным на месте преступления, но приятель, кажется, даже не замечает моего постыдного интереса. Я встаю с насиженного места и иду к ребятам, которые уже похватили с подноса сосиски и теперь умело насаживают их на заточенные палочки.

– Всем хватило? – оглядываю своих сорванцов, которые гипнотизируют подгорающие бока сосисок, и подкидываю в огонь пару сухих бревен. – Тогда предлагаю познакомиться. С кем-то из вас мы уже пообщались, кто-то знает меня не первый год, но повторю еще раз для всех – меня зовут Кирилл, я старший вожатый этого отряда. По любым вопросам можете обращаться ко мне, Матвею или Павлу – он приедет

завтра. На время смены мы ваши мамы, папы и старшие братья. Вас обижают – идете к одному из нас. Вам плохо – идете к одному из нас. У вас что-то украли – идете к одному из нас. Территорию лагеря покидать строго запрещено. Говорят, в лесу есть медведи, и в это время года они как раз голодные – не искушайте судьбу. Если гормоны играют, девочек клеить можно, ухаживать, на медляки приглашать, песни петь, стихи писать тоже. Все остальное – нельзя. Так что держите себя в руках. Мы друг друга понимаем?

Вялый хор «да» проносится по нестройным рядам пацанов.

– Еще раз – мы друг друга понимаем?

Добившись удовлетворительного ответа, я сажусь обратно на бревно, уступая роль оратора Матвею, который объясняет особенности распорядка дня в «Синичке» и дает новеньким несколько советов ориентирования на местности. Потом по очереди встают ребята: называют имена и родные города и кратко перечисляют список увлечений. Послушать их, так у нас вся карта России в сборе, а из активных спортсменов можно собрать дворовую команду по футболу.

Когда с переключкой покончено, я беру в руки гитару. В детстве ненавидел ходить в музыкальную школу, а теперь благодарен отцу за то, что в свое время не дал мне бросить. Сейчас гитара – моя отдушина. Побренчать после паршивого дня в банке – отличный способ снять напряжение.

Чем дольше перебираю струны, тем теснее становится у

нашего костра – после нескольких баллад к нам активно подтягиваются другие отряды. Первый тоже. Парочка мальчишек из моего выводка уступают свои места на бревнах краснеющим школьницам – отмечаю для себя, что за этими джентльменами в будущем нужно следить особенно внимательно. Александрова с Ларисой и новенькой вожатой, чье имя я пока не знаю, тоже пришли – расстилают плед неподалеку и берут на него девчушек, которым не достались места у огня.

Я, глядя на все это, испытываю странную нервность и даже злость – наверное, это отголоски эмоций, вызванных поступками стервы в прошлом. Логически я могу себе это объяснить, но на уровне чувств меня бесит, что спустя все это время она оказывает на меня такое разрушительное воздействие. Я был бы рад, если бы мой разум объявил ей тотальный игнор, вместо того чтобы подкидываться всякий раз, когда она появляется в радиусе пятидесяти метров.

Внезапно наши с ней взгляды встречаются над потрескивающим огнем. Александрова застывает, ее огромные глаза, в которых отражаются танцующие язычки пламени, расширяются сильнее, но длится это лишь мгновение – она поспешно отворачивается и натянуто улыбается кому-то в стороне.

В раздражении передаю гитару пятнадцатилетнему парнишке, который давно рвется в бой, а сам присаживаюсь на корточки, чтобы зарыть в тлеющие угли картошку.

– Привет. – Подчеркнуто томный голос над ухом заставляет меня поморщиться.

– Здравствуй, Лариса, – отвечаю сухо, без интереса разглядывая голые ноги с толстоватыми щиколотками, перехваченными блестящими ремешками сандалий.

– Как официально, Кир. – Она жеманно хихикает. – Не первый же год знакомы.

– Угу, – говорю сдержанно, надеясь, что она без слов все поймет и отвяжется.

– Извини, что с отрядами так получилось, – продолжает девица чуть заискивающе. – Лера новенькая, она не знала, что для тебя это принципиальный вопрос.

– Забыли уже, – отмахиваюсь я, поднимаясь на ноги. – Первый или четвертый, все равно по очкам мы вас в финале смены сделаем.

– Кого ты собрался сделать в финале смены? – раздается возмущенный голос за моей спиной.

Медленно оборачиваюсь, ловя на себе пылающий взгляд цвета фиалок. Александрова. Ростом едва мне до плеча достаёт, а ведет себя так, словно собралась со мной драться.

– Вот тебя персонально и сделаю, – бросаю насмешливо.

– Хочешь пари? – Она воинственно вздергивает подбородок и складывает руки на груди, неосознанно привлекая мое внимание к этой выдающейся части своего тела.

– Не спорю с лгунями.

Она явно не ожидала от меня этого удара, но все же, на-

до отдать ей должное, не отступает. Злится. Я вижу это по тому, как сверкают ее глаза, как тяжело вздымается грудь, а спина выпрямляется, словно Александрова стремится стать чуточку выше, чтобы не смотреть на меня снизу вверх. Ни дать ни взять – амазонка в миниатюре.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – бросает она запальчиво, но в голосе отчетливо слышна дрожь.

– У тебя проблемы с памятью? – спрашиваю безжалостно. – Вадика ты тоже забыла? Могу напомнить и тебе, и окружающим.

Щеки Александровой резко теряют все краски, а я понимаю, что наш разговор начинает привлекать повышенное внимание ребят вокруг. Лариса вообще от изумления рот открыла. Зная, какая она сплетница, я должен завязывать с этим увлекательным экскурсом в прошлое, и как можно скорее.

– Значит, хочешь пари? – уже спокойнее уточняю я, окидывая Александрову с ног до головы медленным, подчеркнуто скупающим взглядом.

Ей следовало бы дважды подумать, прежде чем бросаться подобными предложениями. Вызов для меня – дело принципа. Вызов от нее – дело чести.

– Спорим, что к концу смены мой отряд будет опережать твой минимум на десять очков? – спрашиваю я, протягивая ей руку.

– Спорим, – отвечает она, смело шагая вперед и вкладыва-

вая свою ладонь в мою.

Ее рука прохладная, мягкая и маленькая, она тонет в моей ладони, но рукопожатие получается на удивление крепким. Ловлю ее взгляд, в котором мерцают искорки, не то отблески костра, не то ее собственного внутреннего огня, и чуть сильнее, чем позволяют приличия, сжимаю ее пальцы.

– Что получает победитель? – Голос Александровой звучит неожиданно глухо, и она поспешно отдергивает руку, пряча ее за спиной.

– А что ты можешь предложить? – насмешливо интересуюсь я, демонстративно задерживаясь взглядом на ее сочной груди, прежде чем вернуться к лицу.

Даже в полумраке замечаю, как от смущения вспыхивают ее щеки.

– Облегчу тебе задачу, – говорю уже серьезно. – Если мы выиграем, на все последующие смены я забираю первый отряд и красные домики. Так что советую тебе держать чемоданы собранными.

– А если выиграем мы? – Она самоуверенно вскидывает брови.

– Если выиграете вы... – Я выдерживаю паузу и подаюсь вперед, чтобы следующую фразу прошептать ей на ухо: – Если выиграете вы, я исполню любое твое желание.

Глава 3

Следующим утром я просыпаюсь на рассвете, чувствуя себя так, словно ночь провел в роли груши для битья. Не зря я не хотел жить в зеленых домиках – кровати здесь созданы каким-то извергом, ненавидящим человечество. К тому же в полночь меня разбудил прибывший Паша Степанов – третий вожатый из нашей банды. Матерясь в темноте, он, не раздеваясь, плюхнулся на соседнюю кровать, а потом всю ночь устраивал соревнование по храпу с Матвеем. Удивительно, что в такой компании я вообще умудрился поспать.

Откинув одеяло, я встаю на ноги и иду в туалет. Умываюсь, стараясь не шуметь, переодеваюсь в спортивный костюм и достаю из сумки кроссовки. В городе я почти не бегаю, но стоит мне приехать в «Синичку», утренние пробежки становятся для меня чем-то вроде ритуала. Прежде чем покинуть домик, заглядываю в спальни к ребятам. Убедившись, что все на своих койках и крепко спят, выхожу на улицу, предвкушая отличную пробежку.

Мой маршрут, которому я редко изменял за годы в лагере, пролегает вдоль уличного кинотеатра и столовой через служебный КПП в лес. Обычно я бегу по пешеходной тропе, которой вожу ребят на озеро, потом ныряю в густые заросли дикой ежевики и, ускорившись, через пять-шесть минут оказываюсь на берегу с противоположной стороны водоема.

В жару я часто здесь купаюсь, но сейчас самое начало июня, и по утрам в предгорье еще довольно прохладно, поэтому сегодня я намерен ограничиться физическими упражнениями на суше.

Территорию «Синички» я по привычке покидаю под громкие басы в наушниках, но уже через минуту понимаю, что они ни к чему. Шепчущий шум листвы, звонкий щебет птиц, хруст сухих веток под ногами – вокруг меня именно то, о чем я мечтал днями и ночами в городе. Глупо портить все это музыкой, даже любимой.

Не прерывая бега, убираю наушники в карман. Выдерживаю ритм, позволяю себе короткие ускорения и небольшие передышки и дальнего берега озера достигаю уже через пятнадцать минут. Здесь делаю первую остановку. Хватая ртом воздух, впитываю в себя совершенство момента: буйную зелень с каплями росы, мелкую рябь воды, легкую дымку, стелящуюся над озером. Хочу спуститься ниже к пляжу, но вдруг замечаю маленькую фигуру в мешковатой толстовке с капюшоном, выскочившую из зарослей можжевельника.

Первая мысль, от которой в кровь прыскает адреналин, – кто-то из ребят умудрился сбежать из «Синички», миновав охрану, но через секунду капюшон, скрывающий от меня личность беглеца, спадает, и под ним оказываются копна белокурых волос, перехваченных желтой лентой, и знакомое лицо, которое я бы предпочел никогда больше не видеть.

Желудок судорожно сжимается, а в груди становится тес-

но, словно легкие распухли, не оставив шанса нормально дышать. Твою мать, что Александрова забыла здесь в такую рань?

Пока я ищу ответ на вопрос, девчонка резво сбрасывает с ног кроссовки, потом стягивает толстовку и спускает легинсы, ловко переступая через них босыми ногами. Не успеваю отойти от первого шока, как она избавляется от яркого топа, который через мгновение падает на землю, и, если не считать паутинки низких желтых трусов, оказывается полностью обнаженной.

Твою мать, я сплю еще, что ли?

От сцены, которая разворачивается перед моими глазами, в штанах становится тесно, а на спине выступает испарина. Я отдаю себе отчет, что мне надо сваливать, но какая-то непреодолимая сила удерживает меня на месте, не позволяя отвести взгляд от Александровой.

Сука. Сука. Сука.

Я всегда знал, что она хороша, но только сейчас понимаю – насколько. Стройная, женственная, с тонкой талией, высокой грудью и округлыми бедрами... Меня сложно назвать новичком в изучении женского тела, красивых девчонок я знал предостаточно, но даже я вынужден признать, что она заслуживает твердую пятерку по всем пунктам. Чертова ведьма.

Пока я жадно смакую ее наготу, Александрова по щиколотку заходит в воду. Дура. На улице холодно и ветрено – ес-

ли она не подхватит воспаление легких от купания в ледяном озере, то наверняка сделает это, пока будет возвращаться в лагерь. Уповаю на ее благоразумие, но она предсказуемо не оправдывает моих ожиданий: одно короткое мгновение на передышку, и она с разбега ныряет в озеро.

Дыхание застревает у меня в горле. Я едва сдерживаюсь, чтобы не выйти из своего укрытия и не заставить девчонку вернуться на берег, но вовремя напоминаю себе, что Лера Александрова – не моего ума дело. Она может купаться в озере, прыгать с тарзанки и переспать с половиной лагеря – меня это совершенно не касается. Самое разумное сейчас – это уйти, не пытаясь вытащить ее из озера, и вычеркнуть любые воспоминания об этом инциденте из памяти.

Резкий порыв ветра заставляет меня поежиться от дискомфорта. Интересно, каково ей в воде? Предательское воображение тут же подсовывает мне провокационную картинку, от которой низ живота наполняется горячей тяжестью: словно наяву вижу, как от холода ее гладкая кожа покрывается мурашками, а соски соблазнительно напрягаются.

Твою. Сука. Мать.

В этот момент я почти себя ненавижу. Пускать слюни на Александрову после того, как она обошлась с Вадиком, – это просто дно. А я верю в мужское братство и кодекс дружбы, как бы напыщенно это ни звучало. Бывшие пассии друзей – это табу, не имеющее давности лет, даже если есть мало вещей на свете, которые здесь и сейчас привлекали бы меня

больше, чем возможность вытрахать из стервы всю дурь.

С трудом отвожу взгляд от озера, где умиротворенно плещется обнаженная русалка, и глубоко дышу носом, пытаюсь вернуть утраченное самообладание. Честное слово, веду себя как мальчишка в пору полового созревания. Наверное, это сказывается длительное отсутствие секса: с Дианой я расстался два месяца назад, и в моей жизни за это время вряд ли было что-то, кроме нудной дневной работы в офисе и игры на бирже по вечерам. Дурак, надо было перед поездкой в лагерь снять кого-нибудь для взаимного удовольствия, чтобы теперь не было так мучительно больно, особенно в перспективе провести два месяца в роли наблюдателя за интрижкой Александровой и Матвея или любого другого лопуха, которого она сможет одурачить.

Запрещаю себе смотреть в сторону озера, я отступаю. Откуда-то возникает паршивое ощущение побега с поля боя, но я не позволяю ему взять над собой верх. Нет ничего зазорного в том, чтобы уйти, не дав о себе знать: стерва и я не друзья, чтобы наши отношения можно было рассматривать в контексте правил приличия.

Когда я возвращаюсь в лагерь, Матвей и Паша уже на ногах, будят отряд. Обменявшись приветствиями, я торопливо иду переодеваться – сегодня моя очередь вести ребят на зарядку, а к обязанностям вожатого я отношусь крайне серьезно.

На стадион «Синички» мы с мальчишками приходим одними из первых. Быстрее нас оказываются только смешанный отряд малышей из восьмого отряда и девочки из первого. К полному изумлению, в пестрой толпе замечаю Александрову. Обтягивающие легинсы она сменила на короткие шорты, подчеркивающие длину ее ног, а вот бесформенная толстовка на ней все та же, что и на озере. Заставляет меня задуматься, надела ли она нижнее белье или под плотной тканью она как Ева в райском саду.

Совсем крыша у меня поехала.

Пока на площадку подтягиваются остальные отряды, наш физкультурник Ваня, который параллельно выполняет функции трудовика, спасателя и диджея на дискотеках, свистит в раритетный свисток и жестами призывает всех построиться. Передав ему ребят, я отхожу в сторону и, присев на лавочку, отстраненно наблюдаю за зарядкой. У меня нет никакой конкретной цели, но глаза сами собой находят в ровных рядах Александрову.

Подумать только, как она старается! Наклоняется так, что толстовка натягивается на груди, почти не оставляя у меня сомнений, что стерва даже не удосужилась надеть лифчик. Повторяя за Ваней, она грациозно тянется вбок, отчего толстовка задирается, открывая полоску обнаженной кожи, а я чувствую неожиданно острый всплеск возбуждения.

– Ты на грудь новенькой, что ли, пялишься? – на лавку

рядом со мной с шумом опускается Матвей.

– Отвали, – отвечаю грубо.

– А говорил, неинтересно, – не унимается засранец. – Не осуждаю тебя – сиськи что надо.

– Заткнись, а? – недовольно скалю зубы. – Пофиг мне на новенькую и ее сиськи.

– Ну, раз так, – давится смешком Волков, – тогда я посмотрю. Мне-то совсем не пофиг.

Не пофиг тут не только Матвею. Культурист Ваня тоже из штанов готов выпрыгнуть, чтобы впечатлить вожатых женского пола. В принципе это его обычное состояние, но Александровой он явно уделяет особое внимание. Вон даже тянуться помогает, нахально лапая за спину и руки.

Сука.

– Отряд в столовую сам веди, – резко бросаю Волкову, вскакивая с лавочки. – У меня дела.

Как же. Дела. Холодный душ. И желательно еще одна пробежка, чтобы не наделать глупостей. Например, не врезать Ване по его смазливой роже. Руки у меня давно чешутся, еще с прошлого года, и Александра здесь совершенно ни при чем.

Глава 4

Расписание каждого нового сезона в «Синичке» из года в год почти не меняется. Поэтому я точно знаю, что на следующий день после посиделок у костра пройдет масштабный творческий вечер, на котором ребята будут придумывать название и девиз отряда и рисовать флаг смены. Мероприятие обычно проводят на стадионе. Как правило, мы выносим ватманы, краски, ножницы, цветную бумагу и карандаши, включаем музыку, приносим из столовой напитки и свежие булочки – создаем максимально классную атмосферу, располагающую к креативу.

У меня с творчеством не очень, я больше по точным наукам, поэтому моими ребятами руководят Матвей и Паша. Я же тут в роли разнорабочего – помогаю Нине Петровне приносить ящики с провизией, расставляю столы и вкручиваю в перегоревшие гирлянды новые лампочки.

Все этим вечером идет хорошо, замечательно даже. Ровно до того момента, пока каким-то шестым чувством я не ощущаю присутствие в радиусе пятидесяти метров Александровой.

Не поворачивая головы, боковым зрением слежу, как она на стройных ногах подплывает к Матвею и Паше: лучезарно им улыбается, что-то говорит, мелодично смеется, небрежным жестом откидывая за спину каскад белокурых волос.

Стерва. Обаяние включила на полную – неудивительно, что у моих приятелей глаза на лоб лезут, а с лиц исчез даже намек на интеллект. Мальчишки из отряда, особенно те, что постарше, тоже поддались гипнотическому воздействию вожакой из первого: про свои поделки и картонки забыли и таращат глаза на Александрову, словно никогда не видели красивых девок с данными топ-модели. Мне их жаль. Всех. Если бы они знали ее сучью сущность, никогда бы не стали обглаживать ее взглядами. Впрочем, кого я обманываю: на озере меня это не остановило.

Сука.

Нахмурившись, лезу под стол за ящиком с инструментами. Раз тут все готово, пойду забор возле столовой приколочу – все что угодно, только бы не смотреть на этот выездной фан-клуб имени Леры Александровой. Уму непостижимо, как она одним присутствием умудряется отравлять мне жизнь.

Пока роюсь в ящике, внутри меня все кипит и клокочет. Отец говорил, что в такие моменты необходимо сосредоточиться на физической активности. Что ж, раздраженно отбрасывая в сторону отвертки и плоскогубцы, я представляю, с каким удовольствием буду загонять металлические шляпки гвоздей в деревяшки.

– Если хочешь, можем отказаться от пари, – раздается над ухом мелодичный голос с приятной хрипотцой.

Я едва не подпрыгиваю от неожиданности, с отвращением

отмечая, что короткие волоски на моей шее становятся дыбом, а к паху стремительно приливает кровь. Ну, какого черта она так на меня действует? Лучше бы на Ларису повелся, честное слово. Пользы от этого точно было бы больше.

– С чего ты решила, что я этого хочу? – резко уточняю я, даже не поворачивая к Александровой головы.

– Сегодня только ленивый не попытался объяснить мне, как вероломно я поступила, забрав себе первый отряд, – с дружелюбной иронией признается девчонка. – Я не знала, что в этом лагере цифры играют какую-то особую роль. Поэтому, если для тебя это действительно важно, можем поменяться.

Я в этот момент как раз сгребаю в кулак подходящие по размеру гвозди, поэтому делаю вид, что не расслышал слова Александровой. К тому же они бьют по больному – мне действительно не все равно, а с первым отрядом меня связывает куда большее, чем цифра.

– Ты что-то вроде легенды этого места, – не унимается она, приближаясь еще на пару шагов так, что теперь в поле моего периферийного зрения оказываются ее голые ноги, а в ноздри врывается едва уловимый запах мяты и мандаринов. Если не ошибаюсь, эти духи у нее еще со школы, потому что именно после знакомства с Александровой меня начало воротить и от цитрусовых, и от ни в чем не повинной мяты. – Правда, что ты приезжал сюда каждый год с одиннадцати лет?

– Правда, – отвечаю коротко, не давая стерве даже шанса подумать, что меня увлекает этот разговор.

Пусть идет лесом со своим махровым любопытством и со своим предложением. Благотворительность от нее я не приму – мне куда приятнее будет в конце смены вытолкать ее аппетитную задницу за дверь красного домика и занять свою кровать на все оставшееся лето.

– Так что с пари? – переступая с ноги на ногу, спрашивает она.

Волнуется, что ли, не пойму? Если так – замечательно. Из-за нее я лишил весь лагерь холодной воды минимум на сутки, так что ее нервозность станет мне достойной моральной компенсацией за час в ледяном душе.

– Все в силе, – поднимаясь на ноги, подчеркнуто равнодушно бросаю я. – Вместо того чтобы так быстро выкидывать белый флаг, лучше бы подумала, как собираешься зарабатывать очки со своим отрядом. С другой стороны, если ты боишься проиграть...

– Я не боюсь проиграть! – возмущенно восклицает она. – Я просто хотела...

– Ты хотела разжалобить меня своим предложением? – подсказываю я с мрачной иронией, разглядывая жменю гвоздей в ладони. – Мне неинтересно.

На несколько секунд между нами повисает вязкая тишина, в которой слышны только ее прерывистое дыхание и тяжелый стук моего сердца, отдающийся в барабанных пере-

понках.

– Я тебе не нравлюсь, – вдруг говорит Александрова тихо. – Никогда не нравилась.

Ее слова застают меня врасплох. От неожиданности я даже забываю о намерении игнорировать стерву и поднимаю голову, чтобы взглянуть ей в лицо. Это моя принципиальная ошибка.

В организм будто впрыскивают лошадиную дозу гена бешенства. Сердце тарыхтит на каких-то запредельных скоростях, ладони потеют, а взгляд совершенно выходит из-под контроля и, как голодный бульдог, бежит вверх и вниз по девичьему телу – мог бы, вылизал каждый сантиметр голой кожи, которую открывает неприлично короткое платье с таким же неприличным квадратным вырезом на груди.

– А ты хочешь мне нравиться?

Она дергается, словно я ее ударил, на округлых щеках проступает яркий румянец, а черные зрачки почти полностью скрывают фиолетовую радужку, но Александрова не отступает, продолжая упрямо смотреть мне в глаза.

Черт-те что, но в этот момент она кажется мне почти уязвимой.

– Я привыкла, что нравлюсь людям, – произносит она ровно, кончиком розового языка облизывая нижнюю губу.

– Возможно, эти люди просто недостаточно хорошо тебя знают, – парирую я, пытаюсь подавить в себе голодного зверя, который усмотрел в ее действии сексуальный намек. – А я

таких как ты на дух не переносу.

— Таких как я? — возмущенно шипит она, порывисто вздыхая. — Да что ты вообще обо мне знаешь? Ты никогда не интересовался...

— Ты была девушкой моего лучшего друга, поэтому я знаю достаточно, — напоминаю холодно и демонстративно наклоняюсь, чтобы достать молоток. — Не стоит тебе тестировать свои актерские таланты на мне, прикидываясь невинной овечкой. Это пустая трата и твоего, и моего времени. Мы с тобой заключили пари. У меня нет никакого желания отказываться от него, потому что ничто не доставит мне большего удовольствия, чем твое разгромное поражение. Извини, у меня много дел.

Гвозди впиваются в потную ладонь, пальцы другой руки судорожно сжимают деревянную рукоятку молотка, пока я быстрым шагом несусь вон со стадиона. Плевать, как это выглядит со стороны. Пока я не уйму свое разыгравшееся либидо, от Александровой мне лучше держаться подальше. На кону, черт возьми, моя репутация.

Глава 5

– Это видите? – спрашиваю с нажимом и кивком указываю на стеллаж позади меня, уставленный золотыми кубками с эмблемой «Синички». – Это место славы нашего отряда. Он может называться первым или, как в этой смене, четвертым, неизменным остается то, что мы побеждаем. За последние четыре года мы упустили Кубок лагеря лишь однажды с минимальным отставанием. Услышите меня: один раз из двадцати четырех. В этот раз тоже своего не отдадим. Согласны?

В ответ на мою речь, призванную вдохновить на борьбу за первые очки в сезоне, мальчишки дружно кивают.

– Это значит, что мы должны соблюдать три основных принципа: дисциплина, активность и эрудиция, – продолжаю я нравоучительно, расхаживая взад и вперед по деревянному полу актового зала. – За каждый успех совет лагеря будет начислять очки. За прокол – снимать их. К концу вашей смены в итоговой гонке победит лишь один отряд. Сегодня начинается настоящая игра. Соберитесь, парни! Я в вас верю.

Чтобы завести свою преданную публику, я хлопаю в ладоши и получаю в ответ шквал аплодисментов. Честное слово, Тони Роббинс обзавидовался бы такой отдаче. Я же просто скромно надеюсь, что моего вдохновляющего спича будет достаточно, чтобы начать погоню за красным домиком и

принципиальной победой над Александровой с позитивной ноты.

– Если все готовы, предлагаю выдвигаться, – вмешивается Матвей, демонстративно поглядывая на часы. – За опоздание можем нарваться на штрафной балл.

– Да, ребята, пора, – соглашаюсь с напарником, направляясь к выходу из актового зала. – Да пребудет с нами сила.

На сегодняшний вечер запланирована дебютная игра в серии «Что? Где? Когда?». Пару часов назад мы сформировали команду из восьми человек и теперь вместе с группой поддержки идем на поляну, где состоится интеллектуальная схватка. В нашей возрастной лиге принимают участие четыре отряда: первый, четвертый, седьмой и тринадцатый. Победителя и призеров определяют десять вопросов, они же решат судьбу первых разыгранных в смене очков.

Когда мы подходим к поляне, седьмой и тринадцатый отряды уже сидят за круглыми столами в ожидании начала игры. Пока моя команда занимает свои места, подтягиваются девчонки из первого отряда. С ними Лариса и новенькая вожатая Катя, с которой Паша познакомил меня накануне. Просканировав взглядом пеструю толпу девчонок-подростков, убеждаюсь, что Александрова не пришла. Интересно... почему? Первая игра сезона – важный этап для каждой смены. Что за дела у нее такие, что она оставила своих девчат на Ларису, которую больше заботит цвет лака на ногтях, чем ее подопечные?

Одергиваю себя. Я, возможно, несправедлив к Ларисе, но бесит меня другое: почему меня вообще заботит, где пропадает Александрова? Нет ее – и славно. Никто не будет отвлекать и раздражать, а значит, у меня останется больше энергии для поддержки моих пацанов.

Как только капитаны команд пожимают друг другу руки и рассаживаются по местам, ведущий, бессменный массовик-затейник Ваня, подает звуковой сигнал к началу игры.

Первый вопрос по геометрии остается за нами. Парни включают голову и быстро находят правильный ответ, вызывая во мне взрыв неконтролируемой гордости. Вторую задачу первыми решают девочки из тринадцатого отряда. Третий раунд снова берем мы. Довольно потираю руки, предчувствуя легкую победу и первую десятку очков, но тут замечаю Александрову, которая с хмурым видом идет к поляне.

На ней кремовый топ, открывающий живот, и узкие джинсы, идеально сидящие на бедрах. Белокурые волосы забраны в высокий хвост, открывающий тонкую шею, на которой поблескивает золотая цепочка. Впервые с момента нашей неожиданной встречи в «Синичке» она сознательно подчеркивает свои достоинства, и я, к собственному неудовольствию, на это веду. Черт бы ее побрал!

Александрова тем временем подходит к трибуне болельщиков первого отряда и опускается на свободное место рядом с Ларисой. Пока я слежу, как они беззвучно о чем-то переговариваются, девчонки из их отряда зарабатывают пер-

вое очко. Твою мать, а я ведь даже вопроса не расслышал!

Дальнейшее развитие событий в игре идет вразрез с моими планами. Пацаны отдают три вопроса подряд первому отряду, тем самым позволяя им выбиться в уверенные лидеры. Но, к счастью, восьмой раунд по географии и девятый по истории они щелкают быстрее остальных, сравнивая счет. Финальный вопрос самый сложный – по астрономии. Все команды берут максимальное время для обсуждения. Мои парни отвечают первыми – и ошибаются. Седьмой и тринадцатый отряды – тоже мимо. Учитывая, что ответ не знаю даже я, рассчитываю на ничью в основной сессии и контрольный вопрос в овертайме, но, к моему изумлению, долговязая рыжуха из отряда Александровой вдруг звонким голосом выдвигает гипотезу, которую Ваня под гром аплодисментов и девичий визг объявляет правильной.

В замешательстве я поднимаюсь со своего места и смотрю на понурые головы моих ребят. Ощущение такое, словно на меня вылили ведро холодной воды, а я к этому был совершенно не готов. Мои мальчишки тоже. Понимаю, что зря на них давил, но разве кто-то мог предсказать подобный результат? Я точно нет. Проигрывать первую игру сезона для меня в новинку.

Не могу сдержаться и смотрю в сторону трибуны первого отряда. Девчонки от счастья визжат и обнимаются. Александрова там же – скачет в самом эпицентре шумной толпы. Одно безумное мгновение созерцания ее задницы, обтяну-

той джинсами, а потом вдруг она резко оборачивается, словно чувствует на себе мой взгляд, и, насмешливо сузив глаза, торжествующе ухмыляется. Стерва. Еще бы средний палец показала для убедительности – судя по ее лицу, именно это она и хотела сделать.

Глава 6

После слитой игры настроение у меня самое паршивое: на моей памяти «Что? Где? Когда?» девчонкам мы еще ни разу не отдавали. Конечно, все когда-то случается в первый раз, но меня бесит, что свидетельницей конкретно этого проигрыша стала Александрова. До сих пор ее насмешливое лицо с румяными щеками и надменным изгибом бровей стоит перед глазами.

Мальчишки мои тоже поникли. Если честно, ощущаю перед ними вину – зря я так акцентировал значимость этой первой победы. Что такое груз несбывшихся ожиданий, я хорошо знаю по собственному опыту: ребята с грустными глазами, которые, уткнувшись в тарелки, ковыряют остывший ужин, точно не за этим приехали в лагерь. Все случившееся на игре – целиком и полностью мой промах, пусть я тоже не ожидал, что в первом отряде найдется девочка-вундеркинд по астрономии. И все же горевать сейчас бессмысленно: это только начало смены, и впереди у нас десятки шансов, чтобы отыграться. Ну и простую истину о том, что никогда нельзя недооценивать противника, не помешает вспомнить всем, даже мне самому.

На дискотеку этим вечером отряд отправляется под приглядом Матвея и Паши. Я самоустранился от этого развлечения и уже какое-то время сижу в темной комнате, глядя на

причудливые тени, которые отбрасывает уличный фонарь на бревенчатую стену и потолок в домике. Занятие – блеск, но это лучше, чем снова столкнуться с Александровой.

Стоит мне подумать о ней, как кожу опалает огнем и на одно короткое мгновение перехватывает дыхание. Чертовщина какая-то. Чтобы поскорее отвлечься от образа, который грозит мне удушьем, я беру в руки телефон.

В близлежащем от «Синички» городке, куда я обычно езжу в выходные, у меня есть приятельница Таня. Особо нас ничего не связывает, кроме того, что три года назад она пару недель работала в лагере аниматором. А еще у нас несколько раз был отменный секс, после которого она недвусмысленно намекала, что не откажется от продолжения. Я, к слову, тоже от него не откажусь. Особенно сейчас, когда тело пылает, а в душе неприятно булькает какая-то необъяснимая вяжущая тоска.

Набиваю короткое сообщение: «Привет, Тань. Как дела?» – и после его отправки иду в душ. Когда через десять минут возвращаюсь в комнату, телефон на зарядке светится входящим. В полной уверенности, что это привет от Татьяны, подхожу ближе и бросаю заинтересованный взгляд на экран, но отправителем эсэмэс оказывается не симпатичная брюнетка, а назойливый Паша.

«Не тупи. Приходи. Тут весело».

Поморщившись, я натягиваю свежую футболку и шорты и подхожу к зеркалу, чтобы уложить от природы волнистые

волосы. Идти на дискотеку мне совсем не хочется. Точнее, слишком много причин, чтобы мне туда не ходить. Во-первых, я искренне сомневаюсь, что там меня ждет что-то веселое, во-вторых, перспектива столкнуться с Александровой не вызывает у меня энтузиазма. В-третьих... В-третьих, первых двух причин вполне достаточно. И вообще, я устал. Впрочем, можно заглянуть на стадион буквально на пять минут – просто убедиться, что все в порядке.

Уже темно. Над танцполом мигают лампочки, к починке которых я приложил свою руку, культурист Ваня, наряженный в пижонский зеленый бомбер, ковыряется у диджейского пульта, девчонки всех возрастов бойко извиваются под попсовые ритмы, а пацаны привычно кучкуются по углам площадки. Скучно. Говорил же, что в лагере мало что меняется.

– Вы посмотрите, кто почтил нас своим присутствием, – задиристо скалится Паша, когда я подхожу к нему и Матвею.

Отвечаю засранцу легким ударом справа и насмешливой улыбкой:

– Кто-то же должен проследить, чтобы ты на танцах не облажался... – А потом серьезнее добавляю: – Как обстановка?

– Рабочая. Пока все друг к другу присматриваются, – комментирует Матвей. – Но чувствую, уже на следующей неделе парочки по кустам ловить будем. Наш ушлый Коля Попов явно клеит малышку из тринадцатого. Сам понаблюдай, как он ее обхаживает. Этот в лагере второй год – знает, как тут все устроено.

Я улыбаюсь, вспоминая, как в прошлом году мы с Матвеем спалили нескольких парней, подглядывающих за девчонками в душе, а потом прервали одну парочку, явно жаждущую лишить друг друга обоюдной девственности прямо у дерева. Лагерь, лето и бушующие подростковые гормоны – это, конечно, взрывоопасная смесь.

Пока я предаюсь воспоминаниям, Ваня вместо блевотной попсы ставит популярный танцевальный трек, и народ, до этого тусящий на лавках и по углам, дружно высыпает на танцпол. Александрова тоже тут – пружинящей походкой направляется к центру в компании девчонок из своего отряда и, уловив ритм, начинает покачиваться под музыку.

Я вообще не собираюсь на нее смотреть – это мой план на вечер. Поэтому разворачиваюсь к танцующим спиной и собираюсь завести разговор с парнями.

– Может, на завтра запланируем игру в баскетбол? – предлагаю Матвею. – Разделимся на команды, парнишек в деле посмотрим.

– Хорошая идея, – соглашается друг, но на меня даже не смотрит – его глаза прикованы к танцполу. И отчего-то у меня нет ни малейшего сомнения, что – а точнее, кто вызвал у него такой горячий интерес.

– А Лера хороша, – с глупой улыбкой говорит напарник.

– Согласен, – откликается Паша. – Ты уже фронт проверил? Свободна?

– Как раз собираюсь это сделать, – говорит Матвей, отде-

ляясь от нашей компании и двигая в сторону танцующих.

Проследив за ним, я нахожу взглядом Александрову. С раздражением признаю, что двигаться она умеет – это я помню еще с того времени, как она встречалась с Вадиком и как-то раз мы вместе пошли на вечеринку. Лера танцевала весь вечер, а я, чтобы в открытую не пялиться на нее, был вынужден час выслушивать пустую болтовню какой-то незнакомой девки.

Конечно, сейчас все иначе. Я старше и в состоянии контролировать себя. Поэтому, приняв подчеркнуто равнодушный вид, слежу за ее плавными движениями и невпопад думаю, что если в следующий раз она прогнется еще сильнее, то в глубоком вырезе легкого желтого платья будет заметна ее грудь.

Шумно тяну носом воздух, чтобы успокоиться, и неверной рукой провожу по волосам. В штанах жарко и тесно, горло похоже на выжженную солнцем пустыню. И все это от простого наблюдения за тем, как стерва танцует! Дичь какая-то. Пойти, что ли, попить.

Когда через пять минут я возвращаюсь на дискотеку, предварительно вылакав литр минералки, по воздуху плывут тягучие аккорды популярной баллады. Матвей в центре площадки танцует с Лерой, бесстыдно поглаживая ее по спине. Паша о чем-то треплется с новенькой вожатой Катей. А стоит мне остановиться, ко мне тут же спешит Лариса.

– Потанцуем? – спрашивает она, призывно хлопая ресни-

цами.

Хочу ее технично послать, но в поле моего зрения вновь попадают руки Матвея, хамовато лапающие Александрову. На языке появляется странная горечь, которую мне хочется затушить еще одним литром минералки, а пальцы рефлексивно сжимаются.

– Пойдем, – говорю раздраженно.

Она с готовностью цепляется за мою ладонь и тащит на танцпол. Потом обвивает руками за шею и жмет ко мне всем своим тощим телом.

Несмотря на то что у меня давно никого не было, на Ларису мое тело реагирует резким отторжением. Вот что в ней не так? Вроде и симпатичная, и не круглая дура, а даже мысли о том, чтобы с ней перепихнуться, у меня не возникает. Вся моя надежда этим летом на аниматора Татьяну – надеюсь, за год, что мы не виделись, она не завела себе постоянного бойфренда и с радостью скоротает со мной выходной.

При мысли о Тане внутреннее напряжение немного отпускает, но ненадолго, потому что в следующее мгновение я ловлю на себе заинтересованный взгляд Александровой. Она испуганно распахивает фиалковые глаза, словно я застал ее на месте преступления. Легкая улыбка, которая до этого момента играла у нее на губах, медленно угасает. Она сглатывает раз, второй, третий, облизывает кончиком языка губы, а жгучий румянец на ее щеках становится заметен даже в неярком освещении на стадионе.

Я невольно думаю о том, как она выглядит во время секса. Почему-то подозреваю, что почти так же. Сука.

В этот миг что-то происходит между нами – пространство словно сгущается, как бывает перед штормом, и я отчетливо ощущаю связь. Интуитивную, энергетическую, даже физическую, которая отдается мощным всплеском желания в моем теле, столь сильным, что мне приходится отстраниться от Ларисы, чтобы она ничего не заметила и, не дай бог, не приняла это на свой счет.

Эта игра в гляделки длится между мной и Александровой секунд десять, не больше. Потом Матвей что-то шепчет ей на ухо, и Лера, словно очнувшись, отводит взгляд. Я тоже возвращаюсь в реальность, в которой Лариса опять едва не лежит на мне, протирая щекой мою грудную клетку. Демонстративно отодвигаюсь от нее и уже хочу сказать, чтобы отвалила, но ее спасает то, что медляк благополучно заканчивается и я могу уйти, не устраивая сцены.

До конца вечера я больше не танцую. Сажусь на трибуне, с которой видна вся площадка, слежу за своими ребятами. За Александровой следить у меня нет никакого желания, но почему-то я знаю, что она сегодня нарасхват – танцует с Ваней, потом еще раз с Матвеем и даже с особенно ушлым парнишкой из моего собственного выводка.

Мне до этого нет никакого дела, поэтому, как только часы показывают 21.30 и диджей объявляет последний танец, я тут же собираю отряд и, невзирая на желание мальчишек

задержаться, веду на базу с зеленым флагом.

Перед тем как уйти, бросаю последний взгляд на танцпол. Александрова в объятиях Вани медленно покачивается под самую тошнотворную мелодию вечера, а у меня вновь отчаянно чешутся руки кому-нибудь вмазать. Сука, вот что это за чувство? Неужели именно так чувствовал себя Вадик, видя эту девчонку с другим?

Глава 7

Несмотря на эмоциональную и физическую усталость, заснуть мне удастся не сразу, и в этом я виню белокурую стерву, которая второй раз непрошено ворвалась в мою жизнь, чтобы все испортить. Подумать только, несколько дней назад я наивно радовался возможности спокойно отдохнуть в «Синичке», а теперь спокойствие мне только снится. Да и снится ли, если я вторую ночь подряд просыпаюсь в темноте с неясным предчувствием надвигающейся катастрофы и потом долго лежу, воображая всякую ерунду?

Вот что Александрова тут забыла? Не поверю, что с ее послужным списком она не нашла себе занятия лучше, чем провести лето, присматривая за нескладными девочками-подростками. Впрочем, для меня не станет сюрпризом, если в середине смены она сбежит из лагеря, оставив за собой шлейф разбитых сердец и неоправданных авансов.

Закинув руки за голову, тоскливо смотрю в окно. Ни убавляющий цокот сверчков, ни монотонный шелест листьев на ветру не в состоянии помочь мне справиться с раздражающими душу эмоциями. На часах почти двенадцать. Давно прозвенел горн на отбой, а Матвей все еще не вернулся. Возможно, прямо сейчас он тискает Александрову в укромном уголке лагеря. Стоит мне подумать об этом, как воображение тут же услужливо рисует мне картину: как от удовольствия

закатываются фиалковые глаза, как тонкие девичьи пальцы путаются в жестких каштановых волосах, как с опухших от поцелуев губ срываются горловые стоны...

Зажмурившись, я утыкаюсь носом в подушку и беззвучно матерюсь, в мыслях возвращаясь в прошлое, в тот самый день, когда я впервые увидел Леру Александрову.

Я тогда жил в Екатеринбурге вдвоем с отцом, учился в одиннадцатом классе и с присущим юности максимализмом верил, что смогу изменить мир к лучшему до того, как он изменит меня.

Тем теплым осенним вечером я ждал лучшего друга Вадима Малкина у местного торгового центра – мы с ним собирались пойти в кино на шпионский блокбастер, который рвал бокс-офис по всему миру. Вадик опаздывал, что было для него совершенно несвойственно, а когда появился на горизонте, с ним была она. Белокурый ангел с удивительными глазами цвета фиалок и ямочками на щеках, которые появлялись всякий раз, когда она улыбалась. А улыбалась она часто.

– Кир, это Лера, – сказал друг с глупой улыбкой, словно это объясняло его получасовое опоздание, из-за которого мы не попали в кафе. Я, прямо скажем, рассчитывал перекусить до сеанса, потому что ради похода в кино отказался от ужина дома.

– Здравствуй, Кирилл, – мелодичным голосом поздоровалась незнакомка, одарив меня сияющим взглядом. – Вадим

много о тебе рассказывал.

– Привет, – буркнул я в ответ, испытывая одновременно раздражение и необъяснимое смущение. – А о тебе он мне не говорил, – и потом, глядя только на друга, добавил: – Пошли уже за билетами, а то одни боковые места останутся.

Да, это точно было не самое дружелюбное с моей стороны знакомство, но время показало, что другого Александрова и не заслуживала.

Два месяца Вадик находился в любовном дурмане – он таскал девчонку за собой на наши мальчишники, пропускал уроки, чтобы успеть встретить ее после школы на другом конце города, все карманные деньги тратил на подарки и обеды в кафе. А в один прекрасный момент застал ее целующейся с другим парнем. Пытаясь выяснить отношения, он заработал смачный фингал под глазом и узнал, что Александрова не только целовалась, но и спала с типом, который был старше всех нас на пять лет и ездил на сияющей черной «бэхе».

Меня такой исход, прямо скажем, не удивил. Было что-то такое в этой Лере, что не позволяло мне поверить в искренность ее чувств к Вадiku. Смотрела она на него точно не как влюбленная, а порой, когда я исподтишка наблюдал за ней, казалось, что в компании моего друга она откровенно скучала. Вот и зачем, спрашивается, она вообще с ним путалась? Уже тогда, несмотря на юный возраст, она была очень привлекательной и сексуальной, хотя, казалось, не прилагала к

этому никаких усилий. Парень старше, с правами и тачкой для нее был куда более логичным вариантом, чем подающий надежды школьник-хоккеист, который добирался на свидания на автобусе.

Как бы то ни было, после этой истории Вадик стал сам не свой. Он забросил учебу, спорт, начал серьезно налегать на алкоголь, а однажды я вытащил его из бара, когда он пытался попробовать наркоту. Одним словом, Александрова его сломала. И, по правде сказать, нашу дружбу она сломала тоже, потому что после года бесконечной борьбы за Вадима я опустил руки и, сдав выпускные экзамены в школе, в одиночестве уехал поступать в Москву.

После этого виделись мы лишь однажды – он приходил на похороны моего отца. И хотя я понимал, что с его стороны это был огромный шаг навстречу, вернуть все назад оказалось нереально – слишком разными мы стали за три с лишним года, прошедшие с окончания школы, и дальше одной ностальгической встречи в баре за бутылкой виски дело так и не пошло.

История Вадика научила меня в отношениях с противоположным полом смотреть далеко за красивый фасад. Так что на удочку Александровой я точно не попадусь, какое бы умопомрачительное тело ни пряталось под ее объемными шмотками и какими бы невинными ни казались мне ее робкие улыбки и выразительные глаза. А они кажутся, я же не дурак. Прекрасно слышу тревожные звоночки в голове, кото-

рые верещат о том, что девчонка, даже не напрягаясь, начала пробираться под кожу. Ей всегда это легко удавалось, но трюк, который она играючи проделала с Вадиком, со мной у нее не пройдет, даже несмотря на то что физически она меня привлекает куда больше, чем я бы этого хотел.

Глава 8

Сплю я откровенно паршиво, то и дело проваливаясь в беспокойную дремоту, полную сумбурных сновидений. Основное место среди них, к моему раздражению, занимает миниатюрная блондинка с желтой лентой в волосах. Насмешка судьбы какая-то: словно Александровой мало испорченной реальности, так что теперь она преследует меня и во сне.

Ранним утром я встаю по будильнику. Впервые мне хочется махнуть рукой на пробежку и отключиться еще хотя бы на полчаса: кажется, что проснулся я более уставшим, чем был, когда ложился, но я заставляю себя подняться и выйти на улицу. Много чести для некоторых, если из-за их выкрутасов я стану менять свои принципы.

Чтобы случайно не встретиться с нежелательными личностями, сегодня выбираю другой маршрут в противоположной стороне от озера. И даже самому смешно от собственной глупости становится: судя по тому, что Матвей отсутствовал почти всю ночь и сейчас пребывает в абсолютном беспмятстве, белокурая стерва в этот момент тоже крепко спит, утомленная эротическими игрищами с моим напарником.

Нет, я не накручиваю себя. «Такая девочка, брат. Такая девочка», — слова сонного Матвея, ошалевшего от свалившегося на него счастья, до сих пор отдаются звенящим эхом в моей голове.

Мне должно быть наплевать, в конце концов, Волков взрослый мальчик, но я вспоминаю, сколько раз он выручал меня в прошлом, и понимаю, что не могу остаться в стороне, когда его так нагло используют. Александрова его проглотит как питон кролика, а он даже не заметит. Когда поймет, что произошло, гарантирую, придет ко мне сопли на кулак наматывать. Видел я уже такое и повторения не хочу.

Вчера ночью я твердо решил отбросить любые сантименты в отношении этой девчонки и вести себя с ней как с коллегой. Никаких взглядов украдкой, никаких воспоминаний, никаких глупых мыслей. Таня ответила мне накануне, а значит, чтобы снять сексуальное напряжение, мне нужно потерпеть до субботы – четыре дня я уж как-нибудь переживу. И за это время найду способ отвадить Александрову от Матвея. Пусть тренирует свое очарование на вожатых из других отрядов, а лучше потерпит до дома. Где там она теперь живет?

Этим утром бегаю я без остановок, тщательно слежу за ритмом и дыханием, так что к концу тренировки вместе с приятной усталостью ощущаю мощный прилив энергии. Никаких неожиданных гостей на новом маршруте я не встречаю и в лагерь возвращаюсь в приподнятом настроении.

И чего я так загоняюсь, в самом деле? Это просто девчонка. Самая обыкновенная.

Когда иду мимо столовой, внезапно замечаю знакомую светловолосую голову у стенда с картой «Синички». Хорошее настроение улетучивается, сменяясь другим, более глу-

боким и гораздо более тревожным чувством. Сердце пропускает удар, желудок неприятно скручивается – черт возьми, почему стерве опять не спится в такую рань?

Самым правильным в этой ситуации будет пойти в свой отряд, не задерживаясь на бессмысленный обмен колкостями, головой я это понимаю, но ноги сами ведут меня к Александровой. Она как магнит, к которому меня тянет с невероятной силой. Да и не бегать же мне от нее, в самом деле. К тому же не помешает предупредить ее, чтобы к Матвею не лезла. Зачем оттягивать то, что я и так собирался сделать?

– Не спится? – озвучиваю вместо приветствия, останавливаясь в паре метров от нее.

Девчонка дергается и резко оборачивается, явно застигнутая врасплох моим появлением.

– Я тут... – Она смущенно улыбается и небрежным жестом отводит с лица выгоревшую прядь волос. – Привет. Не спится, да. А ты?..

– А я бегал.

На мгновение между нами повисает неловкая пауза. Александра нервно вертит тонкое колечко на мизинце и смотрит куда угодно, но только не на меня, я же наблюдаю, как ее молочные щеки медленно покрываются краской. Занимательное зрелище.

– Я хотела устроить квест для девочек, – произносит она, первой не выдерживая молчания. – Безумно хочу спать, но я так загорелась идеей, что не смогла оставаться в кровати

ни секундой дольше. Пришла к карте, чтобы маршрут набросать.

Меня словно током прошибает. Не выпалась она, твою мать. Хоть бы постеснялась мне говорить об этом!

– Удивительная самоотверженность, – цежу я сквозь плотно сжатые губы, сканируя ее лицо.

От моей грубости фиалковые глаза удивленно распахиваются, а между аккуратными бровями появляется морщинка.

– Что ты хочешь этим сказать?

В ожидании ответа Александрова прячет руки в карманы коротко обрезанных шорт. Мои глаза не упускают ни малейшего движения – я вижу, как от ее манипуляций натягивается плотная ткань на бедрах, а на футболке, заправленной в шорты, появляется новая складка. Это какая-то изощренная форма мазохизма – изучать ее фигуру, но, когда ты начал, остановиться почти невозможно. Поэтому мой взгляд поднимается выше – к округлой груди, потом скользит по скромному вырезу футболки и замирает на плавной линии шеи. Как же бесит, что все в ней так идеально!

– Держись подальше от Матвея, – выталкиваю свое предупреждение. – Он не для тебя.

Мне кажется, что на мгновение девчонка лишается дара речи. Выглядит настолько обескураженной, что я начинаю сомневаться в достоверности своих предположений. Но уже следующая фраза ставит все на свои места.

– Моя личная жизнь – это не твое дело. Впрочем, Матвей

тоже взрослый мальчик, — с сарказмом говорит она, мятежно вздергивая подбородок. — Без тебя разберемся.

— Кто он для тебя? — рычу я, поражаясь собственной злости. — Очередная игрушка, которую ты выбросишь и заменишь другой

Ее глаза темнеют, но понять, что в них прячется, вина, стыд или обида, я не могу.

— Здесь бы подошло слово «друг», но тебе этого, конечно, не понять, — огрызается она, мечая в меня импровизированные молнии. — Господи, что наговорил тебе Вадим, что ты такого обо мне мнения?

Имя Вадика, неосторожно сорвавшееся с ее губ, распаляет меня еще сильнее, но накатившая волной ярость чудесным образом прочищает голову: я понимаю, что мне пора закругляться. Искушение схватить Леру и заставить ее замолчать любыми способами становится чересчур сильным, а к возможным последствиям этого физического противостояния я пока точно не готов.

— Я тебя предупредил, — бросаю холодно и отворачиваюсь.

— А то что? — несется мне в спину.

А то мы оба горько пожалеем.

Глава 9

– У тебя что-то случилось?

Я поднимаю глаза от тарелки с обедом и хмуро смотрю на Пашу, который лихо перекидывает ногу в модном кроссовке через лавочку и усаживается за стол напротив меня.

– Нет, с чего ты взял? – говорю подчеркнуто спокойно, чтобы не вызвать лишних подозрений, но по выражению лица приятеля вижу, что он мне не верит.

Паша всегда отличался особой наблюдательностью. Матвей не такой – он невнимательный и порой ветреный, а этот если вцепится в тебя, то не отстанет, пока не выяснит, в чем дело.

– Все утро хмурый и нелюдимый, а наши мальчишки, между прочим, двадцать минут назад сделали всех в состязании по стрельбе из лука и взяли десять очков.

Делаю попытку улыбнуться, но выходит лишь кривая гримаса. Отряд молодец, и в любой другой день я бы за нас порадовался, но сейчас не могу. Голова забита мыслями об Александровой и нашей утренней стычке. Вот что она за девка такая? Все отравляет своим присутствием. Даже отдых в родной «Синичке», с которой у меня связано столько теплых воспоминаний, смогла изгадить.

Когда я вернулся с пробежки, Матвей все еще спал. Он пропустил завтрак. Александровой на нем я тоже не ви-

дел. Впрочем, и на стрельбище, где проходило состязание по стрельбе из лука, никто из них не явился. В конец измаявшись от мысли, что они могут быть вместе, я оставил отряд на изумленного Пашу и ушел проветрить мозги за территорию лагеря. И вот теперь он и его любопытство настигли меня за обедом в столовой.

– Нормально все, – бурчу я, вгрызаясь зубами в бутерброд, вкуса которого даже не чувствую.

– Как скажешь, – иронично тянет Паша, стреляя в меня глазами, а потом быстро переключается на другой вопрос: – Руководство попросило нас синхронизировать списки выходных на ближайшую неделю. Матвей хотел в понедельник поехать в город. Я думал про четверг. Ты же ближайшую субботу бронировал, если не ошибаюсь?

– Угу, – отвечаю угрюмо.

Суббота – это встреча с Таней. Встреча с Таней – почти стопроцентный секс. Секс – то, что мне как воздух необходимо, чтобы сбросить напряжение. Я, черт возьми, живу, чтобы наступила суббота.

– Ты такой унылый, когда без настроения, – морщится приятель и, взяв в руки ложку, налегает на борщ.

Показываю ему средний палец и отодвигаю от себя поднос с едой. Хочу сказать, чтобы не лез ко мне, но тут на горизонте появляется Александрова в компании вожатой Кати, и я мгновенно забываю о Паше и его любопытстве. На стерве ярко-желтое платье с воротником-поло и белые кеды.

Светлые волосы струятся по плечам, на губах играет легкая улыбка. Солнце светит ей в спину, создавая вокруг нее светящийся ореол. Если бы не знал ее подленькое нутро, сказал бы, что выглядит она сейчас как ангел.

Проследив за моим взглядом, Паша издает понимающий смешок.

– Дружище, так вот оно что! – довольно скаля зубы, шипит он. – Это новенькая, что ли, причина твоего поганого настроения?

– Чушь не неси, – огрызаюсь я, в глубине души понимая, что слишком бурной реакцией выдаю себя с головой.

– Ты бы видел лицо свое, Кир. – Паша силится подавить приступ смеха. – Скажу тебе прямо, ты спалился.

– Это не я спалился, а Матвей, – цежу я так злобно, что Паша удивленно таращит на меня глаза.

Господи, да что со мной происходит? Весь дискомфорт, накопившийся за утро, выливается в совершенно несвойственную мне раздражительность, направленную на ни в чем не повинного Пашу.

– А Матвей тут при чем? – приподняв брови, уточняет друг после длительной паузы.

– Он с ней обжимается, не я. – К счастью, мой голос звучит чуть спокойнее.

– Это тебя беспокоит? – изумляется приятель.

– Меня это не беспокоит.

– Ну, ладно. – Он задумчиво прикусывает губу. – Тогда

ты не расстроишься, узнав, что она ему не по зубам и вчера он до утра облизывал Ларису.

Простите, что? Наверное, я не могу скрыть удивления, перемешанного с облегчением, в своем взгляде, потому что Паша начинает ржать как конь.

– Сочувствую, друг, – говорит он с дружелюбной иронией. – Но, кажется, и тебе там ничего не светит. Новенькая за пару дней лихо отшила физрука и Матвея. Непохоже, что ее интрижка в детском лагере интересует.

– Мне и не надо. Уймись уже, ладно? – прошу я, переваривая полученную информацию.

– Телки – это боль, – философски замечает друг.

– Больно тебе будет, когда я тебя в стритбол сделаю, – хватаюсь я за шанс сменить тему.

Паша демонстративно прижимает руку к сердцу и широко улыбается.

– Неужели печальный принц соизволит сыграть со мной?

В стритбол мы с Пашей играем не в первый раз, но в первый раз выиграть становится для меня делом принципа. Терпеть не могу становиться объектом шуток, особенно на такую деликатную тему, как моя идиотская одержимость Александровой.

Пока мы играем, вокруг нас собирается толпа ребят из разных отрядов. Паша – отличный защитник. В мастерстве владения мячом мы с ним на равных, только я маневреннее и с прицелом у меня значительно лучше. Так что свое двадцать

первое очко я набираю красивым броском из-за штрафной под бурное улюлюканье толпы.

Вскинув руки в победном жесте, вытираю подолом футболки пот со лба и замечаю желтое пятно у одного из деревьев. Странное ощущение вязкого тепла заполняет желудок, сердце начинает стучать как отбойный молоток.

Лера. Интересно, давно она тут стоит?

Сейчас, когда я знаю, что ночью она не была с Матвеем, я почти рад ее видеть. И даже готов извиниться за утро. Да, она неидеальная, но и я, очевидно, перегнул палку. Но кто же мог подумать, что под «такой девочкой» Матвей подразумевает Ларису, которую мы оба знаем не первый год, а Александрова тут совершенно ни при чем.

Я охаю, получив ощутимый толчок в ребро, но до того, как успеваю ответить обидчику, слышу тихий и насмешливый голос Паши:

– Давай, Ромео, подойди к ней.

Я не собираюсь идти к ней. Пока. Просто смотрю. Но до того, как я успеваю обдумать свой следующий шаг, Лера собирает вокруг себя толпу девчонок из первого отряда и уводит их с площадки. Меня она сознательно игнорирует. Почему это причиняет мне внутренний дискомфорт, я объяснить не могу.

Глава 10

До самого вечера мы с отрядом заняты выбором кружков. В лагере есть секции по футболу и баскетболу, скалолазание, рисование, театральный кружок и обучение лепке из глины. Выбор ребят меня не удивляет – большинство записывается на баскетбол, футбол или скалолазание, и мы с Матвеем и Пашей делимся, чтобы отвести каждую из групп на пробные занятия.

В целом этот день ничем не отличается от сотни других, которые я провел в «Синичке», но сегодня меня одолевает какое-то зудящее нетерпение. Если буду честен с собой, признаюсь, что подсознательно жду новой встречи с Александровой. Наверное, все же чувствую вину за свое грубое поведение этим утром и морально готовлюсь извиниться. Но вразрез с моими желаниями, ее нигде нет. Вот умеет она все делать назло: когда я не хочу ее видеть – тут как тут, а как хочу поговорить – прячется.

В конце концов, промаявшись до ужина, я подхожу к вожакой первого отряда Кате.

– Напарница твоя куда пропала? – спрашиваю подчеркнутно непринужденно.

Девчонка удивленно приподнимает брови и кивает в сторону террасы, на которой я замечаю Ларису в компании Матвея.

– Не она. Лера, – уточняю негромко.

– Ее не будет.

– Не будет? – не скрою, эта информация застает меня врасплох.

– Сегодня нет, – подтверждает Катя, кивая кому-то за моей спиной.

– У нее выходной? – настойчиво спрашиваю я.

– Нет. Просто ей надо было уехать. – Девчонка щурит глаза. – А ты почему интересуешься?

– Поговорить с ней хочу.

– Завтра поговоришь. Она вернется утром к подъему. – Пробормотав извинения, Катя торопливо отходит, оставляя меня с ощущением, подозрительно напоминающим разочарование.

До отбоя я не могу найти себе места. Вроде бы занимаюсь какими-то делами, разговариваю, играю на гитаре, когда мы с ребятами собираемся в общий круг в зале и подводим итоги дня, но в голове постоянно вертятся мысли об Александровой. Она отшила Матвея и, если информация Паши верна, физрука Ваню. Но на ночь уехала в город. Может быть, там ее кто-то ждет? Кто-то особенный?

Сплю я беспокойно, а утром снова отправляюсь на пробежку. На этот раз целенаправленно бегу к озеру, но оно в этот ранний час остается безлюдным и умиротворенным, чего не скажешь обо мне. Сделав несколько упражнений и подтянувшись на ветке ближайшего дуба, с растущим раздраже-

нием беру курс на возвращение в «Синичку» и почти перед самым КПП, когда уже ни на что не рассчитываю, встречаю ее. Леру Александрову.

Сначала в глаза бросается яркое желтое пятно среди деревьев, потом, подбежав поближе, различаю силуэт девушки, которая с поникшей головой сидит на огромном валуне ко мне спиной. Рядом валяется тряпичный рюкзак, на нем лежит небрежно брошенный телефон. Похоже, она только вернулась из города и даже не заходила на территорию лагеря.

– Это уже традиция – встречать тебя по утрам, – говорю чуть насмешливо, останавливаясь в паре метров от Леры.

Она резко оборачивается – широко распахнутые глаза встревоженные и покрасневшие, а на бледных щеках заметны влажные дорожки. В моей груди что-то болезненно сжимается, и я вдруг понимаю, почему она сидит здесь в одиночестве – она плачет.

– Кто тебя обидел? – спрашиваю резко, не в состоянии побороть в себе оглушительное желание поколотить неведомого мудака.

– Никто. Уходи, – всхлипывает она, пряча от меня глаза и вытирая щеки тыльной стороной ладони.

Я обхожу валун, на котором сидит Лера, и опускаюсь на корточки прямо перед ней. Молчу. Она молчит тоже. Сидит, нахохлившись, подтянув ноги к груди и уткнувшись подбородком в колени.

– Можешь и дальше молчать, – предупреждаю мягко. –

Но я не уйду.

Она удивленно поднимает на меня заплаканные глаза и шмыгает носом. Выглядит при этом такой трогательной и уязвимой. И совсем-совсем юной. Я знаю, что мы ровесники, но сейчас я бы не дал ей больше пятнадцати.

На ней желтая футболка с широкой белой полосой и шорты, открывающие длинные ноги в уже знакомых мне кедах. Пшеничные волосы собраны в растрепанный конский хвост, из которого выбилось несколько прядей, живописно обрамляющих лицо. Внезапно мне на ум приходит знак-указатель с нахохлившейся желтой птичкой перед съездом в лагерь.

– Знаешь, на кого ты похожа? – тихо спрашиваю в попытке отвлечь ее от печальных мыслей.

Хмурится. Очевидно, ожидает от меня какую-нибудь колкость.

– На кого? – в конце концов произносит она с ноткой любопытства в фиалковых глазах.

– На птичку-синичку, – говорю я с невольной улыбкой. – У них желто-белый окрас и...

– Я знаю, как выглядит синица, – шепчет она со странным выражением на лице.

Она хлопает ресницами, видимо, решая, комплимент я сказал или опять попытался уколоть. А потом вдруг на губах появляется робкая улыбка.

– Спасибо. Если это комплимент.

Эта ее улыбка делает со мной странное – я чувствую рас-

ползающуюся по грудной клетке теплоту, словно залпом выпил горячий чай или текилу. Чтобы не допустить подобного в будущем, напоминая себе, как Лера поступила с моим другом. Но почему-то сейчас этот безотказный способ не работает. Нет былой злости, нет обиды. Я все еще ей не верю, но словно в душе что-то надломилось, и я уже не могу относиться к ней так, как два дня назад.

Ее руки все еще обнимают колени. Пальцы сцеплены в напряженный замок. Желание протянуть руку и погладить побелевшие костяшки становится почти нестерпимым, но я не рискую прикоснуться к ней. Подсознательно чувствую, что если переступлю и эту черту, то все запутается еще сильнее.

– Пойдем в лагерь, – предлагаю спокойно и поднимаюсь на ноги.

Она медлит, но через несколько секунд тоже встает. Потом шумно вздыхает, будто сбрасывает с себя тяжкий груз, и берет в руки рюкзак.

– Да.

Игнорируя удивление на ее лице, я забираю у нее тяжелый рюкзак и закидываю себе на плечо.

– Не думаю, что ты готова мне что-то рассказывать, – замечаю философски. – Но если что, то я неплохой слушатель.

Краем глаза замечаю, как она прячет улыбку. Я ее понимаю – вчера я прямым текстом угрожал ей, а сегодня предлагаю исповедаться. Что ж, по крайней мере, больше она не плачет.

– Пойдем.

И мы идем. Медленно, словно никто из нас не хочет окончания этого внезапного перемирия, и в тишине, которую нарушают лишь утренний щебет птиц и тихий шорох гравия под ногами.

Глава 11

Два дня проходят в относительном спокойствии. Ребята уже неплохо адаптировались и сдружились, в коллективе у нас отличная обстановка, по набранным очкам мы немного, но все же выбились вперед, а это задает позитивный тон всему происходящему в отряде.

С Александровой я больше не сталкивался. Видел ее несколько раз в столовой и на дискотеке, но градус напряжения между нами словно сошел на нет. Возможно, я просто смирился, что она здесь, в «Синичке», и мне от нее никуда не деться. Да и ее слезы тем утром как-то отрезвили меня – все мы делаем ошибки, а она такой же человек, как и все вокруг. Все, что мне нужно, – держаться от нее на расстоянии. И тогда, возможно, мы с ней без потерь сможем сосуществовать на одной территории все лето.

Сегодня первый по-настоящему жаркий день, поэтому санитарный врач «Синички» впервые в сезоне дает добро на купание в горном озере. После завтрака мы с ребятами некоторое время гоняем мяч на стадионе, а сразу после десяти возвращаемся в домик, берем плавки, полотенца и отправляемся на берег. По дороге встречаем отряд малышей и первый, который ведут Лариса, Катя и Лера. Коротко кивнув Александровой, я отвожу глаза. На ней микрошорты, полностью открывающие ноги, и майка, завязанная узлом под

грудью: вожделение к ней, которое я считал похороненным за два дня, просыпается с новой силой, и я чувствую, как кровь стремительно несется к паху, вынуждая меня выставить перед собой полотенце, прикрывая позорную реакцию собственного тела.

Несмотря на припекающее солнце, вода в озере бодряще прохладная, что мне, безусловно, на руку – одним махом я остужаю тело и голову. Мы с Пашей и Матвеем каждый делаем по одному заходу в воду с желающими искупаться, а потом падаем на полотенца, жарясь под горячими лучами.

Обсохнув, Матвей достает из рюкзака мяч и предлагает сыграть в волейбол. Парочка наших мальчиков тут же подпрыгивают с места и идут вслед за вожатым, который в это время уже приглашает сыграть первый отряд. Несколько девчонок вызываются принять участие в игре. С ними встают Лариса и Катя.

– Лера, а ты? – спрашивает Матвей, подкидывая мяч.

Звук ее имени заставляет меня нехотя обернуться и посмотреть туда, где она сидит. Все время, пока мы были на пляже, я отлично справлялся с тем, чтобы не глазеть на нее в купальнике, а сейчас не смог противиться искушению.

– Не хочу, я отдыхаю, – говорит она, указывая на сочное надкушенное яблоко в руке.

Я вообще не собирался играть, но какой-то черт заставляет меня подняться на ноги. Подхожу к Матвею, играючи выхватываю из его рук мяч и, глядя на Леру, насмешливо

произношу:

– Струсила, Александрова?

Она застывает и, позабыв о яблоке, медленно поднимает на меня глаза. Смотрит так, словно хочет меня придушить. Сок течет по ее тонким пальцам с аккуратным маникюром, и я вдруг ощущаю необычайную сухость во рту. Лера же в сердцах бросает фрукт в ближайшую урну и, вытерев руки о влажную салфетку, с воинственным видом поднимается с полотенца.

Мой взгляд невольно скользит по ее ногам в коротких шортах: родинка прямо под кромкой шортов, синяк на икре, запекшаяся рана на коленке и тонкие щиколотки... Судорожно сглатываю и буквально заставляю себя отвернуться.

– Делимся по жребию? – предлагаю я.

– Матвей, я буду в твоей команде, ладно? – бесцеремонно перебивает Александрова, посылая мне испепеляющий взгляд.

– Не вопрос, Лер! – с готовностью отзывается мой напарник, подставляя ей пятерню для хлопка.

Глядя на этих двоих вместе, я начинаю подозревать, что Паша меня надул. Если Александрова и правда отказала Матвею, почему тогда они общаются как ни в чем не бывало? Разве не должно было возникнуть между ними дискомфорт? Какого-то непонимания? Даже вражды?

Я не успеваю погрузиться в анализ происходящего, потому что Матвей отбирает у меня мяч и собирает вокруг себя

всех желающих играть. И я вынужденно смещаю свой фокус на набор команды, потому что проиграть сразу и Волкову, и Александровой для меня недопустимо.

Партия проходит на удивление бодро. Мы не делили команды специально, но силы оказались примерно равны, так что в финале игры завязывается напряженная борьба. Конечно, если бы я не тупил порой больше времени, чем следовало, уделяя наблюдению за белокурой девчонкой, счет давно был бы в нашу пользу, а так мы идем вровень.

Встаю на подачу и осматриваю своих противников. Матвей, вожатый Костя Лукин, мальчишка Семен из моего отряда, худосочная девчушка из первого, Лариса и Александрова. Вот она как раз напротив меня, поправляет хвост, отчего короткий эластичный топ приподнимается, открывая мне обзор небольшой родинки под самой грудью. Я не могу отвести глаз от этого места, а рот увлажняется так сильно, что возникает серьезная опасность, что, если заговорю, у меня потекут слюни.

– Ты заснул, что ли, Гордеев? – с откровенной насмешкой ворчит из-за сетки Матвей.

В ужасе ощущаю, как кровь бьет в голову и стремительной волной несется в пах. До того, как подать, смотрю, как приятель переглядывается с Лерой и они заразительно смеются, и бью мяч с такой силой, что он летит с бешеной скоростью, едва не прорывая сетку.

Твою. Мать.

Это моя первая серьезная оплошность за всю игру. И та самая, которая может стоить моей команде результата.

Ловлю на себе насмешливый взгляд блондинки и слышу довольный голос Матвея:

– Сдаешь, Гордеев, – а потом он по очереди обнимается с Александровой и Ларисой.

Я думал, что вспышки ярости, вызванные возможной интрижкой у меня под носом, я давно оставил в прошлом, но сейчас, глядя на то, как легко и непринужденно они общаются, я снова хочу все крушить.

Черт возьми, да что за фигня со мной происходит?

Глава 12

Сегодня у Паши выходной, а Матвей с утра мучается мигренью, поэтому большую часть дня я провожу в заботах о мальчишках. Костя из Новокузнецка поранил руку, неудачно упав со ступенек в столовой, и его нужно было отвести в медпункт. У Саши из Москвы заболел живот, и он отправился туда же. Потом я застукал двоих молодчиков из Петербурга за домиком с пачкой сигарет – пришлось отнять контрабанду и прочитать короткую нотацию о вреде курения в столь юном возрасте. Еще один новобранец сбежал из спальни во время тихого часа, чтобы встретиться с девочкой из тринадцатого отряда. Я не против подобных романтических жестов, но не тогда, когда они подрывают дисциплину в коллективе. Один раз такое простишь – на следующий день спать не будет никто.

– Эй, ты как? – тихо спрашиваю я, заходя в вожатскую.

– Спасибо, Кир, что прикрыл меня, – раздается с койки приглушенный голос Матвея. – Уже не так болит, но голова как чумная. Все на месте?

– Ромео вернул на место, – подтверждаю устало. – Ты был прав, что как только ребятня осваивается, начинаются проблемы.

Скинув кроссовки и носки, я ложусь на свою кровать и вытягиваю ноги так, что они свисают над краем. В красных

домиках есть специальная кровать под мой рост, с тоской вспоминаю я. Я ее самолично модифицировал, чтобы спать с комфортом, а потом пришла Александрова и отняла у меня и кровать, и комфорт.

– Слушай, у тебя все нормально? – вдруг спрашивает Матвей. – Ты какой-то нервный в этом году. И это сейчас не подкол. Я серьезно беспокоюсь.

– Нормально все. Год был непростой, но я справляюсь.

– Я слышал про твоего отца. Мне жаль, Кир.

Ответить на это мне нечего, поэтому, закинув руки за голову, я бесцельно гоняю взгляд по потолку. Я научился жить с перманентным чувством утраты, но при воспоминаниях о папе все равно начинает ныть в груди и пощипывать в глазах. Говорят, пройдет со временем. Не знаю. Я даже не хочу, чтобы проходило, потому что эти реакции тоже своего рода память о нем.

– У тебя с Ларисой серьезно? – меняю я тему.

Этот вопрос вертится у меня на языке уже несколько дней, с тех пор как после памятной игры в пляжный волейбол я застал эту парочку за кабинкой биотуалета со спущенными шортами, но как-то не было подходящего момента, чтобы задать его Матвею.

– Ну, как серьезно? – Он сухо усмехается. – Нравится она мне.

– А Александрова?

– А что с ней?

– Ты вроде на нее залипал в день приезда, – напоминаю я, поражаясь легкомысленности приятеля.

– Еще бы на нее не залипнуть – девка что надо. Но она сразу дала понять, что на отношения не настроена, а я в чужой огород лезть не стану.

– То есть у нее кто-то есть? – стараюсь, чтобы голос звучал максимально ровно и непринужденно, но сам чувствую в нем фальшь.

– А ты почему интересуешься? – От любопытства Матвей даже приподнимает голову от подушки, но тут же со стоном опускает ее обратно. – Блин, голова просто разрывается.

С минуту мы лежим в тишине. Я обдумываю информацию, полученную от приятеля. Он, видимо, отходит от болезненного шока.

– Насколько я понял, Лера ни с кем не встречается, – нарушает молчание Волков. – То ли разрыв у нее был непростой в прошлом, то ли еще что, но сейчас она на романтику не настроена. Дружить предложила... и ладно.

– А Лариса, значит, настроена? – спрашиваю у Матвея, не в состоянии скрыть иронии в голосе.

– У нас с ней отличное взаимопонимание, Кир, – оправдывается он. – Не знаю, почему я ее в прошлом году не окучил.

– У тебя же Вероника была.

– Да-а-а... Вероничка была хорошая, – с ностальгической нотой в голосе тянет Матвей, вспоминая свою прошлогод-

нюю зазнобу. – Мы с ней потом весь сентябрь переписывались, но расстояние, знаешь... На одних мессенджерах далеко не уедешь. А Лариса из Подмосковья. Может, что и получится у нас после смены. Ну, знаешь, отношения.

– Аминь, – говорю я с подчеркнутой серьезностью, хотя самого распирает от смеха.

Матвей и отношения в одном предложении – это утопия. Но удивительно даже то, что он в принципе об этом размышляет.

– Засранец, – несется недовольное бурчание с соседней койки.

* * *

Провалившись на кровати минут двадцать, но так и не уснув, я оставляю Матвея в доме за старшего и выхожу прогуляться. Утром я пропустил пробежку – сейчас самое время немного размяться.

На стадионе я зависаю почти на полчаса. Бегаю стометровку, отжимаюсь и подтягиваюсь. Потом лежу на траве, восстанавливая дыхание, и смотрю на облака. Приятная усталость после интенсивной тренировки – едва ли не мое любимое ощущение в жизни. опередить его могут только секс и, пожалуй, удачная сделка на фондовом рынке. Но сейчас я на голодном пайке по всем фронтам, так что спорт – единственное из доступных мне здесь и сейчас удовольствий.

Стоит мне подумать о сексе, как воображение тут же подсовывает мне образ Александровой. Длинные ноги, тонкая талия, упругая грудь, хрупкие ключицы... В животе уже привычно собирается тепло, концентрируясь в районе пупка и медленно спускаясь в пах.

Чтоб ее!

Резко сажусь в попытке сбросить с себя наваждение и вдруг замечаю ее, Александрову, которая нерешительно стоит у забора со скрученным ватманом под мышкой и смотрит на меня глазами затравленной оленихи.

Поднимаюсь на ноги, удерживая фиалковый взгляд, потом делаю несколько шагов по направлению к девчонке.

– Давно стоишь? – интересуюсь я, наблюдая, как ее щеки медленно заливают краска.

– Только... пришла только что, – говорит она тихо и тут же торопливо добавляет: – Пойду. Не буду мешать.

– Я уже закончил. Что хотела?

Ее взгляд на мгновение замирает в районе моей шеи, будто она боится встретиться со мной глазами, потом смущенно опускается на траву.

– Хотела поработать, – свободной рукой она похлопывает по ватману. – Тут спокойно. Обычно... спокойно. Сейчас тут ты и...

– Со мной, значит, тебе неспокойно? – не удерживаюсь я от возможности ее подразнить.

Краска на щеках Александровой проступает еще сильнее.

Между двумя рядами ровных белых зубов показывается кончик бледно-розового языка, который быстро проходит по нижней губе и вновь прячется.

– Я не это хотела сказать, – говорит она спокойнее. – Рассчитывала побыть одна и подумать.

– Серьезные дела?

– Квест, – напоминает она.

– Тот самый.

– Да, тот самый. – Теперь в ее голосе сквозит раздражение. – Я думаю, что девочкам будет интересно и...

– Я тоже думаю, что девочкам будет интересно, – перебиваю ее возмущенную тираду. – И мальчикам тоже. Это хорошая идея.

– Думаешь? – От похвалы ее фиалковые глаза вдруг загораются чем-то новым – каким-то детским азартом, который совершенно преображает ее лицо.

Я задумчиво склоняю голову. Сейчас во мне борются два чувства – нежелание тесно контактировать с Александровой и соблазн как следует развлечь своих пацанов. Затея с квестом на самом деле классная. И если все продумать как следует, то довольны в итоге будут все.

– Да, – говорю, взвесив все за и против. – Не против масштабировать свою идею?

– Что именно ты предлагаешь? – спрашивает она осторожно.

Это хороший вопрос. Куда ты, черт возьми, лезешь, Гор-

деев?

– Смешанную команду и один общий маршрут, – поясняю я. – В прошлом мы, бывало, устраивали такие междусобойчики с отрядами, подходящими по возрасту. Мои мальчишки точно не откажутся потусить в компании девушек.

Лера широко улыбается, явно воодушевленная моим предложением.

– Я планировала игру на понедельник... – Она вдруг хмурится. – Наверное, не успеем.

– Встретимся после ужина и все обсудим, – говорю я.

– Мы с тобой? – уточняет она недоверчиво.

– Можешь захватить с собой дуэнью, если боишься провести час в моей компании, – насмешливо произношу я. – Извини, сейчас остаться не могу. Мне нужно в душ.

И еще до того, как Лера успевает ответить, я надвигаю кепку пониже на лоб и иду прочь со стадиона.

Блин, вот не дурак ли я? Во что я только что ввязался?

Глава 13

К вечеру Матвей окончательно приходит в чувство, поэтому легко соглашается в одиночестве присмотреть за ребятами после ужина. Справедливости ради, напрягаться ему особо и не придется: сегодня открывается летний кинотеатр «Синички», все будут там.

С Лерой я договорился встретиться возле столовой. На террасе есть столы и освещение – судя по тому, что она повсюду таскает свой ватман, нам понадобится и то и другое, а вот мешать никто не будет: повара и уборщицы давно ушли, а новая смена начнется для них лишь рано утром.

Когда я прихожу в назначенное время на условленное место, Александровой еще нет. Это дает мне отличную возможность занять наблюдательную позицию и подготовиться к ее появлению. Впрочем, спустя пару минут я убеждаюсь, что вся подготовка обернулась провалом, потому что стоит мне увидеть ее издалека, глупое сердце начинает брыкаться, как бешеная белка, а в крови вспыхивает пожар.

На ней легкое платье-комбинация до колен, на плечи брошен уютный вязаный кардиган, на ногах – уже знакомые мне кроссовки. Вроде бы нет ничего особенного в ее образе, но у меня отчего-то перехватывает дыхание, и на ум приходит лишь одно слово «красивая».

– Извини, – говорит Лера с покаянной улыбкой, в которой

одновременно сквозят смущение и подозрительность. – Надеюсь, ты не очень долго ждешь. Непредвиденная ситуация в отряде, мне пришлось задержаться.

– Без проблем, – прочистив горло, успокаиваю девушку. – Я сам недавно пришел.

Она робко улыбается. Я тоже позволяю себе усмехнуться. Сейчас, когда обязательные слова сказаны, мы оба ощущаем неловкость. Несколько дней назад я обещал ей войну, а сейчас над нами реет белый флаг и мы собираемся вместе поработать над развлекательной программой для отрядов. Есть от чего прийти в замешательство.

– Ну, что тут у тебя? – прерываю я затянувшееся молчание и кивком указываю на ватман в ее руках.

Лера торопливо раскатывает бумагу по столу и ловко прижимает края с обеих сторон камушками, которые находит под ногами.

– Ты еще и художница, – замечаю, не скрывая изумления, и с интересом разглядываю карту, которую она нарисовала.

– Ладно тебе, – бурчит она.

– Это был комплимент, – говорю серьезно. – Очень талантливо.

Смущенно потупив глаза, Лера произносит тихое «спасибо» и указывает пальцем на центр ватмана.

– Я думала начать квест с центральной площади, – объясняет она. – Здесь бы мы объяснили ребятам правила игры и вручили карту.

– Хорошо. Продолжай.

В ответ на мой командный тон она демонстративно закатывает глаза, но никак не комментирует. А следующие пять минут так увлеченно рассказывает о своих задумках, что я с трудом могу оторвать от нее взгляд.

Должен признаться, ее идеи оригинальны и эффектны, но при этом легко осуществимы. Чем дольше она посвящает меня в детали своего плана, тем сильнее во мне крепнет уверенность в том, что мы просто обязаны воплотить этот приключенческий квест в жизнь. Проблема заключается во мне – каждый раз, когда она улыбается, забавно морщит нос или небрежным жестом откидывает волосы, у меня голова идет кругом, а в груди что-то мучительно тянет. И я все еще не уверен, что мне стоит ввязываться во что-то, даже в обычную детскую игру, с Александровой.

– ...Вот с этим есть проблемы, – вдруг со вздохом говорит она. – Было бы здорово разместить эту подсказку высоко на дереве, но боюсь, что дядя Дима, то есть Дмитрий Сергеевич, нам не разрешит. Если кто-то упадет и травмируется...

– Если тебе нужна высота, можно разместить подсказки на скалодроме, – предлагаю я, стараясь направить мысли в нужное русло. – У нас половина отряда занимается в секции, так что проблем быть не должно, и там есть страховка.

Хмурое всего секунду назад лицо Леры расплывается в улыбке.

– Здорово! – с восторгом выдыхает, хлопая в ладоши. – Я

сама бы не додумалась до этого.

– Это мой скромный вклад в общее дело, – с шутливым поклоном отвечаю я. – Судя по тому, что ты мне показываешь, у тебя практически все готово.

– Многое, но не все. Я столько думала над всем этим, что уже многое упускаю из виду, а у тебя свежий взгляд.

Я киваю и жестом предлагаю ей продолжить. Она строит мне забавную гримасу, а я улыбаюсь ей в ответ.

Где-то на середине маршрута, по которому Лера делает мне виртуальную экскурсию, тишину вокруг нас разрезает телефонная трель. Девушка просит прощения и запускает кисть в карман кардигана.

Ее живое лицо каменеет, стоит ей взглянуть на экран. Я вижу, как напрягаются скулы, поджимаются губы и между бровями появляется едва заметная складка.

– Проблемы? – предполагаю осторожно.

Она торопливо качает головой и сбрасывает вызов. Несколько мгновений тупо смотрит на раскрытый ватман, словно не понимает, что на нем изображено. Потом глубоко вдыхает и резко кладет раскрытые ладони на бумагу.

– На самом деле это все, – говорит она с едва уловимым напряжением в голосе. – Я прошу тебя взять на себя водное испытание, потому что мне в голову не приходит ничего стоящего, и нужно все-таки определиться с наградой. Должно ли это быть что-то физическое? Коробка мороженого или какие-нибудь шоколадные медали...

Несмотря на то что меня распирает от любопытства узнать, кто ей звонил и почему это так ее расстроило, я стараюсь сосредоточиться на ее вопросе.

— Они же не дети, чтобы шоколадные медальки им дарить. Мои парни точно оскорбятся, — смеюсь я. — Как-то пару лет назад мы устраивали ребятам день самоуправления. Что скажешь, если их наградой станет возможность провести один день так, как они сами вздумают?

— А так можно? — удивленно спрашивает Лера.

— Думаю, если один день они пропустят зарядку, не лягут на дневной сон, а вечером задержатся после отбоя, ничего страшного не произойдет, — иронично замечаю я. — Как правило, желания подростков очень предсказуемы.

— Мне нравится твое предложение. — Ее голос звучит спокойнее, и кажется, она уже полностью взяла себя в руки после инцидента с телефоном.

— Значит, договорились?

Она кивает и протягивает мне руку для шутливого рукопожатия.

— Договорились, коллега.

Глава 14

Мои планы на долгожданный выходной предельно просты: свалить из лагеря, встретиться с Таней и расслабиться, чтобы хоть на один день избавиться от мыслей о белокурой «синичке» и сопутствующего им напряжения в штанах. Но я, очевидно, в прошлой жизни кому-то здорово досадил, потому что стоит мне выехать с парковки, как на обочине я замечаю Леру собственной персоной, которая с рюкзаком за плечами топают в сторону автобусной остановки.

Самое правильное в этой ситуации – сделать вид, что я ее не заметил, и промчать мимо, но отец, к счастью или к сожалению, воспитал меня джентльменом. К тому же у нас с Александровой вроде как перемирие и общее дело – квест, к которому мы оба подходим с предельной серьезностью. Будет крайне невежливо, если я все это перечеркну просто из-за того, что не уверен в своей способности держать себя в руках, когда девчонка рядом.

Резко торможу, выпуская в воздух столп дорожной пыли, и открываю окно.

– Подвезти?

Лера испуганно смотрит на меня фиалковыми глазищами, но спустя мгновение уже кривит губы в жалком подобии улыбки. Создается впечатление, что она жаждет провести со мной время в закрытом помещении автомобиля не больше,

чем я с ней. Что ж, хоть в чем-то у нас с ней полное взаимопонимание.

— Не стоит. — Она качает головой, отчего пшеничные волосы красиво переливаются в лучах утреннего солнца. — Автобусы ходят по расписанию.

— В автобусе будешь трястись полтора часа, а я тебя за тридцать минут домчу в центр, — зачем-то настаиваю я, а потом добавляю, чтобы не думала, что я особенно ради нее стараюсь: — Все равно туда еду.

Лера морщит гладкий лоб, а потом, не успеваю я и глазом моргнуть, молча забирается в машину. Приняв как данность, что следующие тридцать-сорок минут я проведу в ее компании, терпеливо жду, пока она пристегнется. Взгляд непроизвольно отмечает, как ремень безопасности перетягивает аппетитную грудь, а потом спускается на голые ноги с острыми коленками.

Проклятье.

Сглатываю набежавшую слюну и убавляю температуру на приборной панели. Кондиционер в салоне сегодня работает отвратительно, а ведь солнце еще даже не в зените.

Заставляю себя сосредоточиться на дороге, твердо решив не обращать на спутницу внимания. Но боковое зрение все равно улавливает каждое ее движение. Как она нервно комкает край платья, неосознанно оголяя ноги, как потирает колено, как заправляет за ухо прядь светлых волос.

Напрасно я остановился и предложил ей поехать со мной.

Это была огромная, колоссальная ошибка! Если меня влекло к ней до этого, то сейчас, когда она так близко, что я ощущаю тонкий аромат мандаринов и мяты, исходящий от ее волос, собственное либидо абсолютно выходит из-под контроля.

– У тебя милая машина, – вдруг произносит она, видимо, делая комплимент.

– Милая? – переспрашиваю я в недоумении. – Это «Додж». Он не может быть милым.

– Как и его хозяин? – иронично уточняет Лера, забавно щурясь.

– Это машина моего отца, – говорю просто.

Она с интересом смотрит на меня, наверное, рассчитывая на продолжение, но я молчу, и она в итоге отворачивается.

– Можно открыть окно? – спрашивает через пару минут тишины.

– Зачем?

– Просто. Там природа и воздух, – поясняет она робко. – Но если нельзя, то так и скажи.

Хлопаю пальцем по кнопке на приборной панели, отключая кондиционер, и вместо ответа опускаю стекло с ее стороны. В салон врывается свежий ветер, который путается в светлых волосах моей спутницы и играет оборками ее платья.

Глубоко вдохнув, Лера счастливо улыбается и высовывает раскрытую ладонь из окна, словно пытается поймать ветер.

– Спасибо, – долетает до меня ее тихая благодарность.

Коротко кивнув, я заставляю себя оторвать взгляд от одухотворенного лица девушки по соседству и сосредоточиться на дороге: от очарования Александровой у меня настолько перехватывает дух, что мы критически близки к аварийной ситуации.

До города мы доезжаем за полчаса. И для меня это очень долгие полчаса, потому что перед глазами у меня постоянно маячат голые коленки, а голову кружит ее запах, который порывами приносит ко мне ветер, гуляющий по салону. Навяждение просто.

– Останови, пожалуйста, возле автовокзала, – просит Лера, когда мы въезжаем в центр.

– Ты куда-то еще едешь? – спрашиваю удивленно, не успевая проглотить этот нелепый вопрос.

Она демонстративно приподнимает брови, как бы говоря, что это не мое дело. Что, в сущности, является чистой правдой.

– Спасибо, что подбросил. – Она посылает мне сдержанную улыбку и выскакивает из машины, игнорируя мой вопрос.

– Могу забрать тебя вечером, – зачем-то предлагаю я.

– Не стоит. – Она качает головой и водружает на нос солнцезащитные очки, скрывая от меня выражение глаз. – Хорошего дня.

Дверь захлопывается, и я вижу удаляющуюся от меня спину.

С минуту я смотрю ей вслед, хотя Александрова уже давно растворилась в толпе. Куда она пошла? Какие у нее планы? Не идет ли она, случайно, к тому человеку, из-за которого плакала тем памятным утром и чей звонок сбросила позавчера? Я не понимаю, почему меня интересуют эти вопросы, но они внезапно становятся невероятно важными.

Из задумчивости меня выводит настойчивый сигнал автомобиля. Смотрю в зеркало и вижу, что кто-то пытается припарковаться на место, которое я наполовину занял. Выкручиваю руль и отъезжаю. В конце концов, у меня есть дела поважнее, чем следить за Александровой.

Глава 15

С Таней я встречаюсь после обеда, поэтому у меня масса свободного времени. Впрочем, оно не совсем свободное – планы на каждый выходной в «Синичке» у меня расписаны на сезон вперед и мало отличаются один от другого. Ничего необычного – просто в некоторых вещах я закоренелый консерватор.

Оставив Александрову на автовокзале, я возвращаюсь по главной дороге немного назад и через пятнадцать минут подъезжаю к пристани. Припарковавшись возле большого дока, беру с собой рюкзак и по давно известной дорожке вдоль берега иду к небольшой яхте с местами облупившейся краской. Здесь меня встречает ее владелец – дядя Сева.

– Здравствуй, Кирилл! – с щербатой улыбкой приветствует меня старый моряк.

С ним я познакомился три года назад, когда впервые приехал в «Синичку» работать вожатым. В первый же выходной я отправился на пристань в надежде арендовать судно, но владельцы лодок и катамаранов все как один предлагали мне туристическую прогулку с капитаном. И только дядя Сева согласился пустить меня за штурвал, правда, в тот первый раз – с ним в качестве рулевого.

– Здравствуйте, Всеволод Геннадьевич, отлично выглядите, – говорю я, крепко пожимая мозолистую ладонь. – У ме-

ня для вас кое-что есть.

Выуживаю из рюкзака пакет с гостинцами для дяди Севы из большого города – там несколько упаковок сыра, хамон и банка оливок. В ту первую нашу прогулку по озеру старик развлекал меня рассказами о своих заграничных поездках и жаловался, что скучает по испанским и греческим деликатесам. С тех пор я по традиции привожу ему запрещенку, которую в маленьком горном поселке просто не найти.

Мужичок качает головой и резво спрыгивает с лодки на пристань, со счастливой улыбкой принимая подарок:

– Попутного ветра, сынок.

Я благодарю дядю Севу и встаю за штурвал. Знакомый глухой рев мотора разрезает умиротворенную тишину набережной, и через несколько мгновений я уже отчаливаю от пристани.

Сегодняшнее утро – свежее и ясное. Вода в озере подернута мелкой рябью и блестит на солнце. Видимость идеальная – с берега хорошо просматриваются даже верхушки гор. Подставляя лицо легкому бризу, чувствуя, как теплые солнечные лучи согревают кожу на щеках, и погружаюсь в медитативные воспоминания.

Как и многому в моей жизни, умению управлять лодкой я тоже обязан отцу. Он с детских лет брал меня с собой в небольшие путешествия на реку или озеро, порой позволяя порулить. Надо ли говорить, что для меня это было проявлением высшей степени доверия, которое я старался оправ-

дать, беспрекословно слушая указания отца.

Здесь папа ни разу не был, хотя я много раз рассказывал ему об озере. Грустно осознавать, что я так и не сумел показать ему одно из самых живописных мест, которые я когда-либо видел. Думал, что успею, но жизнь внесла во все свои коррективы.

И тут внезапно другая мысль заставляет меня нахмуриться. Лера. Вопреки всему я бы хотел иметь возможность показать это место ей. Возможно, чтобы не сожалеть потом, что был шанс, а я им не воспользовался.

Откуда во мне все это? В моих глазах она все та же предательница, которой нельзя доверять. Но при этом за последние дни она раскрылась для меня с другой стороны тоже. Ее очевидный ум, сообразительность, желание сделать что-то для своего отряда, чувство юмора, доброта, готовность прийти на помощь, когда в ней кто-то нуждается... Все это не особо вяжется с образом роковой соблазнительницы, намеренно разбивающей сердца, но, с другой стороны, я ведь точно знаю, как она поступила с Вадиком, и лично разгребал последствия их расставания. А то, что у любого человека есть две стороны, как у медали, я давно уяснил. Нужно лишь понять, какая из них светит ярче.

Длительная прогулка по озеру здорово прочищает мне мозги. Где-то на середине водоема я глушу мотор и позволяю себе насладиться моментом: с жадностью смотрю по сторонам, впитывая живописные пейзажи гор и густых лесов,

вдыхаю свежий влажный воздух и ощущаю умиротворенное покачивание лодки на воде.

Как давно я не чувствовал такого мира и покоя! Внезапная кончина отца, университет и работа не позволяли расслабиться. За годы жизни в Москве я привык к городской жизни, к давящей высоте зданий, к безумному ритму шумных улиц, но любил я всегда это – первозданную красоту гор и уединение с природой.

Через пару часов я причаливаю к берегу. Швартую лодку у пристани и несу ключи дяде Севе, который ждет меня у дока. Искренне благодарю старичка, вкладывая в его руку щедрые чаевые, и обещаю вернуться в следующие выходные.

Усевшись в машину, достаю из рюкзака телефон, к которому не притрагивался с момента расставания с Лерой. Двадцать минут назад Таня написала, что освободилась и будет ждать меня в кафе в центре. Чувствуя странную отрешенность, словно не я еду на встречу, которой страстно ждал последнюю неделю, я завожу мотор.

За год, что мы не виделись, Таня почти не изменилась. Разве что волосы стали чуть светлее и губы пухлее. Подозреваю, что во втором случае не обошлось без инъекций, но выглядит все вполне натурально – не знал бы ее, никогда бы не обратил внимания на эту корректировку.

Уже полчаса мы с ней сидим в кафе, которое она выбрала. Здесь многолюдно, шумно и сильно пахнет освежителем, но Тане, судя по ее довольной улыбке и блеску в глазах, все

нравится, поэтому я остаюсь сидеть на месте, потягивая безалкогольное пиво.

Разговор выходит довольно однобоким. Таня много говорит и громко смеется, я смотрю на нее, киваю и, если нужно, улыбаюсь, но в мыслях дрейфую далеко и от нее, и от ее рассказа про музыкальный фестиваль, который она собирается посетить в конце месяца.

Да что со мной не так-то?

Рядом сидит красивая девушка, которая отчаянно флиртует со мной и с которой у меня уже был секс, отличный секс, а у меня ничего не ёкает. Я представляю, как мы окажемся в постели или, может быть, не станем ждать и займемся петтингом прямо в машине, и не испытываю ровным счетом ничего. Ни бурления в крови, ни характерной тяжести в паху, ни покалывания в затылке, которое бывает в моменты острого возбуждения. Это как, твою мать, называется? Импотенция?

– А ты как, последний год в «Синичке»?

Осознав, что Таня обращается ко мне, я криво улыбаюсь и, прежде чем ответить, делаю еще один глоток пива.

– Последний, – подтверждаю я. – В следующем году оканчиваю универ. Будет не до лагеря.

– И что же, – Таня накручивает прядь волос на палец и призывно смотрит мне прямо в глаза, – больше в наши края не вернешься?

– А ты хочешь, чтобы вернулся? – уточняю я, заставляя

себя включиться в игру.

– Ты же знаешь, Кир, я всегда рада тебя видеть, – отвечает она, проводя кончиком языка по нижней губе.

– Это взаимно.

Лицо Тани расплывается в самодовольной ухмылке женщины, которая знает себе цену и только что получила ей подтверждение от интересующего ее самца. Так банально, что от натужной улыбки у меня даже зубы сводит.

– Ты не голоден? – спрашивает она, глядя на мою тарелку, к которой я почти не притронулся.

– Не особо, – подтверждаю я, не желая признаваться, что еда в ее кафе отвратительная.

– Я тоже. Может быть, пойдем?

Вот что мне всегда нравилось в Тане – это ее прямолинейность. Жеманные улыбки и заход издалека – это не про нее. Она всегда точно знает, чего хочет, и идет к намеченной цели без лишнего смущения. Мужской подход, который не может не вызывать восхищения.

Я без проволочек зову официанта и расплачиваюсь по счету. Потом встаю сам и, положив ладонь на поясницу своей спутницы, провожаю ее к машине.

Целоваться мы начинаем еще до того, как я успеваю завести мотор. Таня берет инициативу на себя: крепко обхватывает меня за шею и, перегнувшись через разделяющую наши кресла панель, впивается в мои губы.

От нее пахнет вином и терпкостью, а губы ощущаются

непривычно плотными и гладкими – какая-то странная комбинация, которая не находит у меня никакого отклика. Я все же проталкиваю язык между ее зубами в попытке разбудить свои инстинкты, но они отвечают каким-то вялым трепыханием, которое едва приподнимает штаны в районе ширинки. Нет, блин, так дело не пойдет.

Отстранившись от Тани, я кладу руки на руль и уточняю:

– Адрес тот же?

– Да, – подтверждает она, тяжело дыша.

– Тогда к тебе?

Она с готовностью кивает, одергивая подол короткой юбки и вновь облизывая губы. Нарочно, что ли, старается привлечь к ним внимание? Александрова, которая сидела на этом же самом месте несколько часов назад, не старалась, а от нее и ее коленок я едва мог оторвать взгляд.

Стоп, черт побери.

Только этого мне не хватало: думать о Лере, когда я собираюсь переспать с другой девушкой. Теперь, даже если не сильно хочется, я просто обязан это сделать. Потому что... потому что иначе все закончится плохо.

Вырулив с парковки, я вливаюсь в поток машин на дороге. Как только это происходит, Таня кладет руку мне на бедро, обтянутое джинсами, и начинает поглаживать сначала вниз, потом медленно вверх, постепенно приближаясь к паху.

– Аварийную обстановку создаешь, Татьяна, – говорю сухо.

– Хотела тебя немного расслабить, – отзывается она, не прекращая наматывать круги пальцами по моему бедру. – Ты какой-то непривычно напряженный сегодня.

– Нормально все. До дома пыл сохрани, ладно?

Накрыв ладонью ее холеную руку с длинными ногтями, я снимаю ее с бедра и кладу на подлокотник сиденья. Таня если и удивлена этим жестом, не подает виду. Сам я себе его объяснить тоже не могу. В том, что девушка гладит тебя, пока ты едешь за рулем, есть своя прелесть. Почему сейчас эта прелесть меня не привлекает – загадка, в разгадку которой я не готов пускаться в настоящее время.

До панельного дома, в котором живет Таня, мы доезжаем минут за пятнадцать. Все это время она старается поддерживать разговор, который окончательно тухнет, когда я молча паркуюсь возле ее подъезда.

– Ты знаешь, лучше давай за дом машину поставим? – говорит она. – Здесь она может мешать соседям.

Прежде чем ответить, я глубоко вздыхаю, все еще не желая верить в то, что собираюсь сказать. Это похоже на сон, но я отчего-то точно знаю, что не сплю.

Пауза затягивается. Таня в ожидании поворачивается ко мне всем телом и молчит, явно рассчитывая на ответное действие с моей стороны.

– Знаешь, Тань... Извини, – выдавливаю из себя. – Ты была права насчет напряжения. Неважно себя чувствую. В другой раз, ладно?

На мгновение на ее красивом лице проявляется недоумение, смешанное с шоком и обидой, но она быстро берет себя в руки. Холодно улыбнувшись, она цепляется за ручку двери.

– Конечно, Кир. Звони. Может быть, в другой раз.

Дверью она хлопает явно сильнее, чем требуется. Впрочем, я ее не виню. Разочарование, которое она испытывает, зеркалит мое собственное. Самое удивительное, что и ее, и мое направлено на одного и того же человека. На меня.

Глава 16

Позорно слившись с встречи, гарантировавшей мне снятие сексуального напряжения, я возвращаюсь в центр. Дел в городе у меня больше нет, можно ехать в «Синичку», но я зачем-то вместо съезда на трассу выбираю дорогу, которая ведет к автовокзалу.

На что я рассчитываю, в самом деле? На то, что Лера в этот момент будет проходить мимо? Что мы случайно встретимся и проведем вечер вместе? И даже в случае такого фантастического развития событий что я ей скажу? Как объясню, почему оказался рядом? Предложу отвезти ее обратно в лагерь?

Я впервые попал в такую позицию – человека, который не понимает, что хочет. Или нет, не так, по всем признакам я хочу Александрову, но это точно не то, чего я должен хотеть. Поэтому вся эта бурлящая смесь эмоций, которую она вызывает, подрывает мое самообладание, а я ведь всегда так им гордился.

Сзади настойчиво сигналият, и я понимаю, что светофор давно горит зеленым. Ругнувшись себе под нос, трогаюсь с места и заезжаю в единственный свободный карман на парковке возле автовокзала.

Заглушив мотор, откидываю голову на подушку автокресла и закрываю глаза.

Я предпочитаю, когда в жизни все ровно и понятно: всплески необъяснимой злости, фрустрация и шатающееся либидо мне абсолютно незнакомы. За два года отношений с Дианой, например, я не припомню, чтобы хоть раз выходил из себя без видимой причины. Мы ругались, да, но даже наши ссоры были конструктивными – там была проблема, в которой мы разбирались и в итоге находили совместное решение. Мы даже расстались спокойно: просто поняли, что отношения зашли в тупик. Первое время без нее было непривычно, больно и пусто, но и это прошло со временем.

С Александровой изначально все сложно: мои эмоции в отношении этой девчонки не укладываются в привычную картину мира. Она злит меня, нервирует, раздражает, но находиться рядом с ней мне почему-то очень нравится. Вот, например, когда мы ехали утром в моей машине, это было как-то... правильно, что ли? Хотелось, чтобы время остановилось, ну, или хотя бы немного замедлилось.

Я в который раз напоминаю себе, как она поступила с моим другом в прошлом. Оживляю в памяти слова Матвея о том, что у нее, возможно, есть парень. Господи, да она сегодня могла ехать к кому-то, кто ей дорог, не зря же она при мне уже несколько раз сбрасывала звонки! Но почему-то даже вся эта логическая правда не способна унять странного зуда, который непременно сопровождает все мысли о ней.

Злюсь на себя. На нее. Сейчас даже на Вадима, хотя он вообще здесь ни при чем. Зачем все это? На часах почти семь.

Я мог бы лежать в кровати в объятиях Тани, а вместо этого, как дурак, сижу в машине перед вокзалом, думая о девушке, с которой у меня никогда ничего не будет.

Снова завожу мотор, включаю музыку громче, чтобы взбодриться, и разворачиваю машину. На ужин в «Синичке» я уже опоздал, в кафе, куда меня водила Таня, я остался голодным. Самое правильное сейчас – спокойно поужинать, а потом ехать в лагерь. Как будет добираться Лера – вообще не моя забота.

Недолго думая, я решаю поехать в «Ла Пунто». Про этот ресторан мне когда-то давно рассказал Матвей, и потом я часто бывал там один и с друзьями. Несмотря на то что еда там на уровне, место совсем не пафосное и с классным видом на озеро.

Через двадцать минут захожу в полупустой ресторан. Пока администратор спешит ко мне через весь зал, вдруг замечаю в углу на террасе белокурую голову, склонившуюся над меню.

Не может быть, чтобы это была она, и все же...

– У меня тут знакомая, – бросаю девушке с бейджем и уверенно направляюсь к Лере.

– Ждешь кого-то? – спрашиваю я, подходя к столу.

Она испуганно вскидывает глаза и после секундной заминки качает головой.

– Не против моей компании? – задаю я следующий вопрос.

– Садись. – Уголки пухлых губ слегка приподнимаются в улыбке.

Я присаживаюсь в кресло напротив, и Лера подталкивает мне меню:

– Я уже выбрала.

Несмотря на то что еще десять минут назад я ощущал лю-
тый голод, сейчас о еде я думаю в самую последнюю очередь.
Уткнувшись в меню, за которым прячу улыбку, думаю о том,
как же так вышло, что после всех мыслей и событий дня я
встретил Леру здесь – в месте, в котором меньше всего ожи-
дал. Раньше я никогда не был фаталистом, но во всем этом
мне чудится какой-то особый смысл. Может быть, вселенная
хочет, чтобы мы с ней поговорили?

К столу подходит официант, и мы по очереди делаем за-
каз.

– Как прошел твой день? – спрашиваю я, наблюдая за тем,
как кончиком указательного пальца она чертит невидимые
узоры на гладкой поверхности стола.

Лера неопределенно пожимает плечами:

– Как я и думала. Ничего особенного я от него и не ждала.

Этот ответ ровным счетом ничего не говорит мне. С таким
же успехом она могла бы вообще не отвечать. Что за манера
у нее такая?

– Ты уезжала из города? – уточняю я, намекая на автовок-
зал.

– У меня были дела.

– Удивительно. Ты сказала мне три предложения, – говорю с иронией. – Ни одно из них не было ответом на мои вопросы.

– Люди – сложные создания, – отвечает она мягко. – Ты никогда не сможешь по-настоящему узнать человека, если он сам тебе этого не позволит.

– Ты не хочешь позволить мне узнать тебя получше?

– А ты хочешь узнать меня получше? – Она удивленно вскидывает брови и даже немного краснеет. – Мне казалось, свое мнение обо мне, кстати весьма нелестное, ты давно составил.

Теперь моя очередь смутиться. Я ведь так и не извинился за ту утреннюю встречу, когда обвинил ее в интрижке с Матвеем. Хотел, но как-то не получалось, и потом мы начали общаться спокойнее...

– За то, что наговорил тебе тем утром, я давно хотел извиниться, – признаюсь я. – С моей стороны это было бестактно и несправедливо.

– Спасибо. – Теперь она улыбается.

И эта улыбка вновь делает со мной странное – словно что-то шевелится в груди и ощущение такое, будто рядом вспыхнуло солнце.

– За что?

Наши глаза встречаются, и на этот раз Лера не отводит свои. Смотрит прямо, сосредоточенно, может быть, даже с вызовом.

– За то, что умеешь признавать свои ошибки. Не все мужчины обладают этой способностью.

В ее словах, в том, как она их произносит, чересчур много личного. Такого, что подсознательно подталкивает к развитию темы, но что-то меня останавливает. Лера говорит о мужчинах во множественном числе – неужели было так много тех, кто был к ней несправедлив, и могу ли я быть среди них?

Пока я раздумываю над ее фразой, она с озабоченным выражением лица смотрит на экран вспыхнувшего новым сообщением телефона. Пробегается глазами по тексту, кривит и поджимает губы, потом убирает трубку в рюкзак.

– У тебя все нормально? – спрашиваю осторожно, удивленный такой реакцией.

– Да, – отвечает девушка коротко, избегая смотреть на меня.

Врет. Не нужно быть психологом, чтобы понять это. И глаза прячет нарочно – они у нее очень выразительные. Но кто я такой, чтобы лезть к ней в душу?

Я задаю ей еще несколько нейтральных вопросов, но ее будто подменили: отвечает односложно, с трудом выжимая из себя слова. Эта формальная беседа неожиданно сводит меня с ума. Так хочется взять Леру за плечи, встряхнуть, проникнуть под ее безупречный сдержанный фасад и найти там правду.

Что с ней происходит? Такая живая и жизнерадостная в

лагере, но всякий раз, когда уезжает в город, возвращается или в слезах, или в состоянии, которое я бы описал близким к отчаянию. И появлению моему она, теперь уже очевидно, не рада. И вести со мной светскую беседу не намерена. Осознав это, я как-то быстро перехожу от состояния легкой эйфории к чувству дискомфорта, а следом – к ощущению вины. Хотя последнее вообще глупость, потому что я не сделал ничего такого, отчего должен чувствовать себя виноватым перед Александровой.

Я почти готов настоять на своем и выяснить, кто или что так сильно беспокоит ее, но в этот момент появляется официант с напитками и салатами, и я проглатываю готовый сорваться с языка вопрос.

Едим мы в напряженном молчании. Я больше не пытаюсь разговаривать с ней, она сама словно ушла в себя – вяло ковыряет еду в тарелке и смотрит куда угодно, но только не на меня.

Что, черт возьми, было в этом сообщении, которое так ее расстроило?

– Ты ведь в лагерь возвращаешься? – уточняю я, попросив счет.

– Да.

Я удовлетворенно киваю. Возможно, в машине она будет разговорчивее.

– Подвезешь? – вдруг спрашивает она тихо. – Если ты, конечно... Если у тебя нет других планов в городе.

– Разумеется, – отвечаю я, посылая ей недоумевающий

взгляд. Она что, всерьез думала, что я могу встать, попрощаться и уехать, оставив ее поздним вечером одну в городе?

Когда официант приносит кожаную книжку, я кладу на нее ладонь, не позволяя Лере даже взглянуть на чек.

– Я сама за себя заплачу, – вполне искренне протестует она.

– Глупости не говори, – осаждаю я этот порыв.

Я, конечно, не миллионер, но платить за ужин в моей компании девушка никогда не будет.

– Ты не должен... И вообще...

– Не должен и вообще, – подтверждаю я с усмешкой. – Но я все же это сделаю.

Лера смущается. Крутит в тонких пальцах лямку рюкзака и как-то тяжело дышит – волнуется. Но почему?

К машине мы возвращаемся в тишине. Сгущаются сумерки. Наш путь проходит мимо «Луна-парка», усыпанного огнями.

– Зайдем? – вдруг предлагает Лера.

На ужине она была напряженной и нелюдимой, а сейчас вдруг смотрит на меня с надеждой в глазах.

– Ты за весь вечер едва сказала мне пять предложений, а теперь предлагаешь прогуляться в парке аттракционов? – иронично уточняю я.

– Не будь таким занудой, Гордеев. – Она забавно морщит нос и улыбается. Смена ее настроения если и удивляет, то не настолько, чтобы я ей отказал.

– Если хочешь, зайдем.

В парке все сверкает неоновыми огнями, какофония звуков прерывается скрипучим треском игровых автоматов. Парк совсем небольшой по площади, но аттракционов тут наставлено предостаточно.

– Прокатишься со мной? – спрашивает Лера, указывая на цепочную карусель.

Я отрицательно качаю головой.

– Ну же, – настаивает она, внезапно беря меня за руку. – Давай повеселимся!

Короткого прикосновения оказывается достаточно, чтобы я испытал ощущение, словно выбивают почву из-под ног, те же эмоции, ту же бурю. Я смотрю на бывшую девушку своего друга, на ее хрупкую и тонкую кисть, сжимающую мою руку. В груди снова что-то екает. Если у меня есть хоть немного мозгов, я остановлюсь на этом. Прямо сейчас. Но, очевидно, мозгов у меня, когда дело касается Леры Александровой, нет, потому что сияние фиалковых глаз и робкая улыбка затмевают все доводы рассудка.

Она как магнит, от которого сложно оторваться. Мягкий июньский бриз шевелит белокурые волосы, заставляет тонкую ткань платья лхнуть к идеальному телу. Мой взгляд скользит в скромный вырез, опускается на ее грудь, задерживается лишь на мгновение и снова возвращается к лицу.

– Один раз, – соглашаюсь я под барабанную дробь пульса, получая в награду какую-то испуганную, но, несомненно,

искреннюю улыбку.

Глава 17

Катание на каруселях – точно не та активность, которой я планировал посвятить свободное время этим вечером, но, если я буду честен сам с собой, признаюсь, что давно так не кайфовал.

После двух кругов на цепочной карусели Александрова тянет меня на автодром, где мы минут пятнадцать, как подростки, тараним друг друга на допотопных машинках, а потом – на скрипучее колесо обозрения.

– Ты уверена, что это безопасно? – спрашиваю я, скептически осматривая древний аттракцион с пластиковыми сиденьями и открытыми кабинками, внутри которых гуляет ветер.

В ответ Лера заразительно смеется:

– Доверься мне. Я уже каталась.

Давно стемнело. Колесо медленно несет нас вверх. Вокруг все, кроме темного неровного круга озера, горит яркими огнями. Лера напротив меня кутается в толстовку, скрестив руки на груди, и с неподдельным восторгом глазеет по сторонам. Я огней просто не замечаю. Вижу только ее. То, как ветер с озера играет в ее волосах. Как нежный профиль четко вырисовывается на фоне темного неба. Как блестят ее глаза. И вдруг ясно понимаю, что пропал. Подсознательно боялся этого с момента первой встречи, именно поэтому так старал-

ся избегать ее, но все оказалось тщетно.

В своей жизни я ошибался много раз. Ошибся и в ней? Все, что я узнал об этой девушке за этот короткий отрезок времени в лагере, кричит о том, что она не может быть такой, какой я считал. Она добрая, искренняя, спонтанная, готовая прийти на помощь: в том, как она общается с детьми, абсолютно нет фальши. Тогда чем была эта история с Вадиком? Есть ли в ней двойное дно, о котором он умолчал?

Я испытывающе смотрю на Леру, которая сидит напротив. Женщины – сложные создания. Понять, что у них на уме, всегда непросто, но я еще никогда не встречал никого, кого бы мне хотелось понять больше, чем Александрову. Чем больше узнаю ее, тем загадочнее она кажется. И, уж конечно, нет в ней ничего общего с теми, с кем я встречался раньше.

– Красиво, правда? – с тихим вздохом говорит она, не отрывая взгляда от полосы огней на набережной.

– Да, – подтверждаю я тихо.

Разница лишь в том, что, пока девушка восхищается миром вокруг, я смотрю только на нее, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не пересест к ней поближе и не обнять. Подумать только, как много всего может поменяться за считанные дни...

Внезапный звонок телефона нарушает волшебство момента. Лера нехотя лезет за трубкой, мгновение смотрит на экран, потом отключает звук и бросает телефон обратно в недра рюкзака. Ее лицо, еще недавно такое одухотворенное

и безмятежное, теперь похоже на восковую маску.

В моей душе вспыхивает безотчетная жажда защитить ее от неведомого раздражителя, выведать, кто или что так сильно расстраивает ее, но колесо обозрения как раз завершает свой круг, и до того, как я успеваю предложить прокатиться еще раз, Лера встает, ясно давая понять, что прогулка подошла к концу.

– У тебя проблемы? – спрашиваю я, не выдерживая гнетущего молчания, пока мы идем к машине.

Она отрицательно качает головой, нервным жестом убирая упавшую на лоб прядь волос.

– Лер, серьезно, если я могу помочь...

Она резко поворачивает голову, глаза пытливо всматриваются в мое лицо.

– Что?

– Ты впервые назвал меня по имени, – тихо отвечает она таким тоном, словно это важнее всего остального.

Я удивленно вскидываю брови.

– Лера, – произношу с легкой иронией. – Это несложно.

– Раньше было сложно, – возражает она, продолжая бурлить меня взглядом. – Даже тогда, пять лет назад. Ты ни разу не обратился ко мне напрямую.

Я хмурюсь:

– Не помню, – хотя тут, конечно, лукавлю. Пять лет назад я ее избегал, раздражался, когда видел с Вадиком, и скорее отгрыз бы себе язык, чем заговорил бы с ней.

– Спасибо. – Ее губы трогает улыбка, напряженное выражение лица чуть смягчается.

– За что?

– За вечер. Я не хотела оставаться одна, – признается она, а потом делает то, от чего у меня замирает сердце. Тянется к моей руке и обхватывает ладонь тонкими пальцами. Ее кожа – гладкая и мягкая, именно такая, как я себе и представлял, и от этого целомудренного контакта по венам разливается расплавленный огонь, в котором сгорают остатки моего здравого смысла.

Мое замешательство длится недолго. Я в ответ сжимаю ее руку и, пряча улыбку, переплетаю наши пальцы, наслаждаясь этой неожиданной близостью.

Обратно мы возвращаемся в тишине, но эта тишина не давит так, как раньше. Наоборот, в ней комфортно, как бывает только с близким человеком. Я слышу, как Лера дышит, улавливаю шорох ее платья, когда она шевелится. Дышу воздухом, пропитанным ароматом мандаринов и мяты, который всегда сопровождает девушку. И все это сжимает и без того тесное пространство автомобильного салона до максимума, позволяет ощущать присутствие другого человека особенно ярко.

Жаль, что, когда мы сели в машину, мне пришлось выпустить ее ладонь. Обычно мне несвойственна стеснительность, но в этот раз я так и не могу взять ее руку снова, хотя очень этого хочу.

До лагеря мы доезжаем за сорок минут. Последние десять я намеренно сбрасываю скорость – отчего-то мне не хочется, чтобы этот вечер заканчивался так. Остановившись на парковке, слежу, как Лера отстегивает ремень безопасности, и вдруг вспоминаю о том, о чем мне вчера говорил Матвей:

– Надеюсь увидеться позже, – когда она вскидывает голову, вопросительно глядя на меня, поясняю: – Сходка в вожатской. Ты ведь придешь?

– Я не собиралась. Лариса и Катя хотели пойти.

– Вы можете прийти все вместе. Мы с ребятами обычно дежури́м – каждый из нас по очереди проверяет домики. И мы одолжим вам GoPro. Можно будет смотреть за коридором у нас на компьютере.

Лера тянется к дверной ручке.

– Так придешь? – нетерпеливо спрашиваю я, нервничая так, словно от ее согласия зависит что-то большее, чем завершение этого вечера.

– Постараюсь.

Глава 18

Я захожу в наш домик как раз во время отбоя. Матвей и Паша проверяют, чтобы отряд находился в кроватях, подгоня застрывших в душе ребят.

– Как выходной? – интересуется Волков, замечая меня на пороге. – Татьяна порадовала нашего мальчика?

– Отвали, – отвечаю беззлобно, отказываясь вдаваться в подробности. Да и что я ему скажу? Сам все еще в легком шоке от того, как все получилось с Лерой.

– Неужели она тебя продинамила? – тянет он с хитрой улыбкой, неверно истолковывая мое нежелание говорить о Тане.

– Мечтай, – бросаю я приятелю, скидывая с ног кроссовки.

– А я тут узнал, что у Александровой тоже был выходной, – не унимается Матвей.

– И что? – спрашиваю невозмутимо, игнорируя легкий трепет в груди от звука ее имени. – Я в душ. Планы на вечер не изменились?

– Нет. – Он поднимает указательный палец. – Мы взяли карты и бутылку «Апероля».

– Я пас с алкоголем, – предупреждаю заранее, чтобы потом не выслушивать возражения Матвея.

– Бутылка на всех – вряд ли это можно назвать алко-

лем, — фыркает приятель.

— Все равно. Я возьму безалкогольное пиво.

— Как скажешь, малыш. — Он пожимает плечами. — Нам больше достанется.

После душа я проверяю комнаты ребят и, убедившись, что все на своих местах, устанавливаю в коридоре камеру, предварительно связав ее с телефоном. Паша по моей просьбе проводит ту же операцию в соседнем домике, где базируется первый отряд.

Лайфхак с камерами мы придумали в прошлом году. Раньше нам с вожатыми приходилось постоянно дежурить по очереди и порой пропускать классные вечеринки. Теперь же наши подопечные как на ладони. Даже и не подозревают, что когда нас нет в домике, за ними безуданно следит наша «радионяня».

Тусовки вожатых — классика каждой смены. Как правило, мы немного выпиваем, курим, играем в азартные игры — в общем, делаем то, что днем в лагере делать нельзя. Доля подобной запрещенки придает этим сходкам особую пикантность.

Когда я прихожу, на диванах в вожатской удобно расположились Матвей, Паша, Лариса, Катя, парни из тринадцатого отряда и девчонки из седьмого. Всего девять человек. А Леры нет. Подавляю острую вспышку разочарования и, бросив пару приветственных кивков, иду к холодильнику. Баночка холодного безалкогольного пива ждет меня там со вчераш-

него вечера.

Стоит мне оказаться спиной к входу, на пороге появляется девушка, которую я никак не могу выкинуть из головы. Я это ощущаю каким-то шестым чувством – не вижу ее даже, но кожу на затылке все равно приятно покалывает.

– Всем привет, – раздается мелодичный голос.

– Лера! – тут же лезет к ней Матвей, фамильярно обнимая за плечи.

Никогда не считал себя собственником, но сейчас, кажется, я способен переломать все пальцы приятелю только за то, что они прикасаются к ее коже. А я нет. И плевать, что законных оснований на это нет ни у него, ни у меня.

Я глубоко вздыхаю, чтобы подавить в себе порыв рвать и метать, и открываю бутылку пива. Как странно порой складывается жизнь. Еще неделю назад я бы затрясся от злости, если бы в разговоре зашла речь о Лере, теперь же трясусь, когда ее кто-то трогает.

– Лер, может, все-таки бокальчик коктейля? – предлагает Матвей.

Девушка ловко выскальзывает из-под его руки под одобряющий рык моего внутреннего эго и отрицательно качает головой:

– Не сегодня.

В это время вожатый Костя из тринадцатого отряда подкидывает коробку с картами и спрашивает:

– Кто играет?

Лера с лукавой улыбкой опускается в кресло и, как пионерка, поднимает руку.

– Сдавай!

За вечер, проведенный в вожатской, я не узнаю об Александровой ничего нового, кроме того, что она опытный соперник в азартных играх и держит карты близко к груди. И грудь у нее красивая – пару раз ловлю себя на том, что беззастенчиво пялюсь на вырез ее лаконичной рубашки. Она ни разу не остается в дураках, мастерски сбрасывает карты в покер и неплохо считает в «21». Не девушка, а кладезь необычных талантов.

Со мной она не разговаривает, может быть, чтобы не вызывать подозрений, впрочем, несколько раз я ловлю на себе ее изучающий взгляд. Мне же этого мало. Я все прокручиваю в голове то, как естественно казалось мне держать Леру за руку этим вечером в городе, и понимаю, что хочу большего.

Через час напряженной игры Матвей объявляет перекур и встает из-за стола. За ним по очереди поднимаются остальные ребята. Судя по желающим подыметь, в этой комнате не курил только я, Александрова и девочка Оля из седьмого.

Сейчас, когда большая часть компании вышла во двор, а Оля пялится в мобильный, мне ничего не мешает подсесть к Лере поближе. В конце концов, почему бы и нет? Но что-то останавливает меня.

Не знаю, чувствует ли она мои метания, но вдруг фиалковые глаза находят мои, и легкая улыбка трогает девичьи гу-

бы. Лера поднимается с кресла, в котором сидела почти весь вечер, сокращает расстояние между нами и делает скандальное движение – тянется к банке пива в моей руке, о которой я напрочь забываю, глаза на нее.

– Можно? – спрашивает она, слегка приподнимая брови.

Я вкладываю в ее пальцы банку, и она вдруг разворачивает ее к себе и прикладывает губы ровно к тому месту, из которого пил я. От взгляда, который она бросает на меня из-под полуопущенных ресниц, температура в помещении словно становится на десять градусов выше. По спине у меня бежит капля пота, низ живота сводит спазмом.

Пока я ошарашенно вглядываюсь в ее лицо, пытаюсь совладать с возбуждением, Лера возвращает мне банку:

– Извини, жажда замучила.

Скалю зубы и стараюсь дышать ровнее. Девчонка так близко, что стоит только приподнять руки, и они лягут на ее талию.

– Играешь с огнем, Александрова, – тихо шепчу я, чуть наклоняясь к ней и жадно вдыхая одной ей присущий аромат мандаринов и мяты.

– Я захватила огнетушитель, – парирует она, возвращаясь на свое место за игральным столом.

До конца вечера, стоит мне приложить банку с пивом к губам, перед глазами всплывает соблазнительный образ Леры, которая делала то же самое считанные минуты назад. Наваждение просто. Особенно если учесть, что пока я, как подро-

сток, фантазирую о ее губах, девчонка сидит всего в нескольких метрах от меня, сосредоточенно разглядывая карты, зажатые в тонких пальцах, и на меня не обращает никакого внимания. А мне смотреть на нее очень нравится. Не только потому, что она красивая и меня к ней влечет. Есть в ней какая-то загадка, тайна, которую очень хочется разгадать.

Несколько раз ловлю на себе ироничный взгляд Паши, от которого, конечно, не укрылся мой интерес, но даже не раздражаюсь – на Леру я запал как-то молниеносно и крепко. Настолько, что у меня нет ни сил, ни желания это скрывать. Если задуматься, это даже страшно. Потому что она не просто новенькая вожатая, которая вскружила мне голову: у нас с ней есть общее прошлое, в котором еще предстоит разобраться. Но сейчас совсем не хочется думать об этом.

– Кирилл, а ты сегодня не играешь? – Катя посылает мне улыбку, на которую я отвечаю отрицательным поворотом головы.

– Я сегодня наблюдаю, – говорю спокойно, не отдавая себе отчета, насколько двусмысленно звучат мои слова.

Да, наблюдаю. Но вовсе не за игрой, а за одной конкретной девчонкой. Наверное, даже если закрою глаза, смогу воскресить в памяти ее образ в мельчайших подробностях: длинные ресницы, обрамляющие глаза удивительного оттенка, едва заметную россыпь веснушек на носу, мягкий изгиб пухлых губ.

Игра продолжается около пятнадцати минут. Я допиваю

пиво, с сожалением посылая пустую банку в урну.

– И опять трехочковый, – улюлюкает Паша, оценив мой бросок через комнату. – Почему ты все еще не в НБА, приятель?

– Кто-то же должен тебя на место ставить, – парирую я, усмехаясь. – А то вообразишь еще, что действительно умеешь играть.

Паша показывает мне средний палец, я беззлобно смеюсь в ответ.

– Может быть, сыграем? – в разговор вступает Матвей, который в пух и прах проигрался в карты и теперь ищет новое приключение.

– Сейчас? – Я скептически приподнимаю брови. – Ночь на дворе, и все давно спят. Не хватало нам разбудить отряды и нарваться на директора.

– С каких пор ты стал таким скучным, Гордеев? Делов-то на десять минут, – напирает он, вскакивая на ноги. – Каждый делает по три броска. Мазил отсеиваем. В финале остаются двое.

– Матвей, уймись. – Паша пихает его в бок, чтобы остыл, но я-то хорошо знаю, что этого уже не остановить.

– Трусишь? – Вроде бы Волков обращается к Паше, но смотрит прямо на меня.

Уму непостижимо: выпил всего пару бокалов коктейля, а его уже понесло. Я морщусь, потому что терпеть не могу парней, которые ведут себя как истерички, стоит им перебрать

с алкоголем. Выглядит это довольно жалко, а Матвея я жалеть не хочу – он хороший парень, пусть порой его заносит не туда.

– Сыграем, – соглашаюсь я, прикинув варианты развития событий. – До трех. Ты и я. Проигравший идет спать.

Почувствовав смену настроения в вожатской, ребята за столом быстро скидывают карты и встают. Лера тоже поднимается с дивана, демонстрируя мне умопомрачительные ноги в коротких шортах. Я сглатываю и отвожу взгляд. Если бы в комнате не было столько людей и Матвей не жаждал унижить меня на баскетбольной площадке, я бы наплевал на собственные принципы и подошел бы к девчонке прямо сейчас. Потому что сегодняшний день, этот вечер, эти взгляды украдкой и откровенный флирт сводят меня с ума. А я во всем предпочитаю прямоту.

До баскетбольной площадки от вожатской идти метров двести. Матвей вырывается вперед, на ходу подбрасывая мяч, я иду следом за ним с Пашей.

– И чего ты на его пьяный гон повелся? – шепчет друг.

– Не отстанет он, Паш, ты его что, плохо знаешь? – возражаю я. – А так надеру ему задницу у кольца, и спать пойдем.

На площадке темно. Паша щелкает выключателем за столбом, и прямо над баскетбольной корзиной загорается фонарь.

– Начинай, – великодушно предлагаю Матвею, который становится в зоне трехочковых, не переставая набивать мяч.

– Как скажешь, бро. – Он поднимает два пальца в форме буквы V и, подпрыгнув, закладывает мяч прямо в корзину.

Под тихие аплодисменты Волков театрально кланяется и кидает мне мяч.

Закатав рукава толстовки, делаю шаг по направлению к площадке и тут вдруг слышу едва различимый шепот за спиной:

– Удачи.

Не могу сдержаться и оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Александрову. Это ее шепот, ошибиться я не мог. Она стоит в паре метров от меня, кутаясь в ветровку. Ее волосы рассыпались по плечам, на губах блуждает мягкая улыбка, глаза мерцают в тусклом свете фонаря. Улыбнувшись в ответ, я киваю ей и иду на площадку.

Мяч в моих руках лежит привычно идеально. Я подбрасываю его в руках и ловлю, чтобы почувствовать вес, потом несколько раз отбиваю от прорезиненной поверхности.

С одной стороны, я уверен, что победить Матвея мне не составит труда, с другой – я вдруг ощущаю волнение: а если проиграю на глазах у Леры? Не то чтобы я использовал баскетбол, чтобы продемонстрировать свою маскулинность, но надрать задницу поддавшему Матвею все же предпочтительнее, чем промазать.

К черту! Выкидываю из головы лишние мысли и, стукнув мячом, мягким броском кладу его в кольцо.

Волков самоуверенно скалится и, подобрав мяч у сетки,

становится на мое место. Он посылает воздушный поцелуй Ларисе, потом делает пижонский дриблинг и мягким движением кисти отправляет мяч в корзину. Почти. Мяч ударяется о внешнюю сторону кольца и отлетает в сторону.

Слышится приглушенный мат, потом Матвей разочарованно вздыхает.

– Не подашь мне мяч? – с иронией спрашиваю я.

Никакого серьезного противостояния у нас не получается. Я забиваю второй мяч. Матвей попадает следующим. Потом я быстро ставлю точку в игре отличным броском с боковой линии.

– Пошли спать, Джордан, – усмехается Паша, закидывая руку на плечо разочарованному Матвею.

– А меня научишь? – вдруг раздается рядом.

Я поворачиваю голову, точно зная, кого увижу. Лера теперь стоит одна. По крайней мере, ни Кати, ни Ларисы я рядом с ней не наблюдаю. То, как в этот миг встречаются наши взгляды, – это что-то особенное. Слишком интимное, чтобы считать это безобидным флиртом. Мои губы растягиваются в улыбке. Не знаю, говорит ли Лера сейчас только о баскетболе, но надеюсь, что нет. Слишком уж смущается.

– Научу, – отвечаю я внезапно охрипшим голосом, а потом вдруг поддаюсь внезапному порыву и, подняв руку, касаюсь костяшками пальцев ее щеки.

Фиалковые глаза распахиваются от удивления, сочный рот приоткрывается, выпустив наружу судорожный вздох, но

Лера не протестует. Напротив, будто бы подается навстречу.

Я ощущаю, как бешено бахает в груди сердце, как набирает громкость шум в ушах, а по телу молнией проходит сильная дрожь. Она чересчур близко, а я чересчур долго противился этому всему, чтобы сейчас сдержаться...

– Лер! Ты идешь? – Громкий окрик Кати заставляет Леру подпрыгнуть, а меня беззвучно выругаться.

– Извини, – шепчет Александрова, смущенно улыбаясь. – Мне пора.

Но до того, как она убегает, я говорю ей, чтобы у нее не осталось шансов отвертеться:

– Завтра, Лера, мы будем играть в баскетбол.

Что бы это ни значило.

Глава 19

Ночью я почти не сплю. Воспоминания о вчерашнем вечере и мысли о Лере бомбардируют голову, не позволяя мне забыть. Ощущения для меня совершенно новые – хочется все, сразу и быстрее, а ведь раньше я считал себя рационалистом, который не любит спешить.

Раз за разом воскрешаю в памяти сцены, от которых сладко тянет в груди: вот Александрова берет меня за руку, когда мы медленно возвращаемся из парка, вот пьет пиво из моей банки, дерзко улыбается, флиртует, просит научить ее бросать мяч в корзину. Это все ведь не просто так? Не странная игра моего воображения, которому хочется больше того, что есть на самом деле?

Забываюсь беспокойным сном лишь на рассвете и встаю вместе с горном, вынужденно пропуская пробежку. Ругаю себя и злюсь: зная любовь Леры к ранним подъемам, я мог бы встретить ее у озера или где-то на территории, а вместо этого проспал. А мне не хочется терять ни минуты – настолько жадным я стал до общения с ней.

Долго сожалеть не в моих правилах, поэтому я заставляю себя сконцентрироваться на завтраке. Она будет там. Возможно, я поговорю с Пашей и Матвеем, чтобы прикрыли меня, и после столовой уговорю Леру сразу пойти на баскетбольную площадку. Не играть даже – просто поговорить. Вы-

яснить все между нами. Разобраться с демонами прошлого. Понять, что дает нам настоящее.

Да, вчера мы много времени провели вместе, но этого кажется поразительно мало теперь, когда я знаю, каково это – когда к тебе обращена ее улыбка, как идеально ощущается в ладони ее рука и как волнительно касаться губами алюминиевой банки в тех местах, которых до этого касались ее губы, мечтая о настоящем поцелуе.

За завтраком я никак не могу расслабиться, бесконечно стреляя глазами по сторонам. Почти все отряды уже поели, а Леры все нет, и мне начинает казаться, что она нарочно от меня прячется. Это паранойя, я знаю, но ничего не могу с собой поделать – подобная какофония чувств и эмоций для меня в новинку. Нетерпеливо сканирую входы и выходы в столовую в надежде увидеть белокурую головку, но натываюсь на внимательный взгляд Кати. Может быть, она что-то знает?

Я едва дожидаюсь, пока закончится завтрак, чтобы встать из-за стола и, не привлекая к себе повышенного внимания, подойти к темноволосой девушке.

– Так-так, – тянет Катя, хитро шурясь. – Дай угадаю? Леру ищешь?

– Знаешь, где она? – спрашиваю я, не пытаюсь делать вид, что я здесь по другому поводу.

– Была рядом, когда мы вели отряд на завтрак. Потом ей кто-то позвонил, и она отстала.

– Кто ей звонил? – вырывается у меня.

Катя удивленно смотрит на меня и качает головой:

– Я не лезу в ее личную жизнь. И тебе не советую.

Мне хочется ответить что-то вроде «Я сам разберусь, куда мне лезть», но вслух этого не произношу. Возможно, Катя права – пока у меня нет никакого права вмешиваться в дела Леры. Надеюсь, что «пока» здесь ключевое слово.

– Скажу ей, что ты ее искал, – бросает Катя, вставая из-за стола.

С неприятным сосущим ощущением в животе я выхожу из столовой, в дверях сталкиваясь с Ларисой.

– О, Кир, привет. Матвея не видел?

– Он уже позавтракал и ушел. Ты ему звонила?

– И звонила, и писала, – разочарованно отвечает Лариса. – Ладно, когда увидишь его, скажи, что я с отрядом буду занята до одиннадцати.

На улице светит яркое солнце, но мне отчего-то становится не по себе. То, что Матвей и Лера пропали в одно и то же время, начинает казаться мне подозрительным. Я стараюсь успокоиться и мыслить логически – Волков говорил мне, что с Лерой у него просто дружба, и у меня нет причин ему не верить. И она... То, что было между нами вчера, нельзя просто так сбрасывать со счетов.

– Ты чего потерянный такой?

Не сразу понимаю, что обращаются ко мне, но сквозь нервозность в итоге различаю голос Паши.

– Слушай, присмотри за отрядом буквально двадцать минут, ладно? – прошу я. – Я подтянусь к походу на озеро.

– У тебя все нормально? – подозрительно глядя на меня, уточняет друг.

– Да, – делаю попытку улыбнуться. – Есть одно срочное дело.

Несколько мгновений я смотрю в удаляющуюся спину Паши, который уводит за собой ребят из отряда, а сам думаю, куда мне идти дальше. Если мыслить логически, Лера должна быть где-то поблизости. Катя сказала, что она отстала на пути в столовую, а значит, она не могла уйти далеко. К тому же она еще не завтракала...

Куда бы я пошел, если бы хотел поговорить по телефону, чтобы меня не тревожили?

Я вдруг вспоминаю про склад за столовой. Когда я сам был ребенком, мы там часто курили с парнями, прячась от вожатых. Потом там поставили камеру, и мы нашли новое место за забором, но за столовую по привычке часто ходили поболтать или уединиться с девочками среди дня.

Решительно направляюсь в нужном направлении, но, не пройдя и половины пути, натыкаюсь на картину, от которой застываю как вкопанный и не сразу верю своим глазам. Лера, которую я так настойчиво искал, и мой друг Матвей, встречающийся с Ларисой, прилипли друг к другу прямо у технического входа в столовую.

Словно затвор фотоаппарата срабатывает перед глазами:

за одно короткое мгновение я вижу все – то, как доверчиво ее голова лежит у него на груди, как крепко обнимают ее талию его руки, как тесно их тела прижаты друг к другу, разделенные лишь тонкой тканью его и ее одежды...

Сердце рефлекторно сжимается, потом ухает куда-то вниз и начинает бешено биться в желудке. В душе расплзается черная дыра размером с океан, во рту появляется неприятная горечь, и ощущение такое, будто бы мне с разбега дали под дых.

Черт возьми, какой же я дурак! Я ведь знал о том, какая она. Знал и видел, что она сделала пять лет назад с Вадимом, обещал себе, что не попадусь на ее уловки, и все же... и все же попался.

Сука. Как же больно.

Хочется крушить все вокруг, чтобы стереть из памяти видение сладкой парочки, и одновременно выть от разочарования, смешанного с почти физически осязаемой болью. Но я не делаю ни того ни другого.

Хорошо, что и Матвей, и Лера в этот момент смотрят в другую сторону – так я хотя бы могу уйти, оставаясь незамеченным, сохранив при этом лицо и гордость.

Глава 20

Наверное, так чувствуешь себя, когда тонешь. В голове гудит, грудную клетку распирает, и кажется, что невозможно вдохнуть. Это шок. Но, боже мой, почему я вообще удивляюсь чему-то, связанному с Лерой Александровой?

В поисках временного убежища, где я смогу привести себя в чувство, я сбегаяю на стадион. После завтрака здесь никого нет – отряды разошлись по домикам планировать день, и у меня есть минимум полчаса в одиночестве. После того, что произошло, побыть наедине с самим собой мне необходимо как воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.